ПОД КРЫЛОМ КОЛОЖИ

КАРМАННАЯ ИСТОРИЯ ГРОДНО

АНДРЕЙ ПАВАЧ

Гродно
ЮрСаПринт
2014

УДК 908.(476.6-25 Гродно)
ББК 63.5
П 12

Павач, А.А.

П12 Под крылом Коложи. Карманная история Гродно / Павач Андрей Андреевич. – Гродно : «ЮрСаПринт», 2014. –222 с. : -илл.

УДК 908.(476.6-25 Гродно)
ББК 63.5

ISBN 978-985-99335-2-3

Научно-популярное издание

Павач Андрей Андреевич

Под крылом Коложи.
Карманная история Гродно

Вёрстка *Александр Рыжий*
Корректор *Оксана Данилевич*
Обложка *Иван Русачек*
Иллюстрации *Виктор Литвинюк*

Подписано в печать 07.06.2014 Формат 84x108 $^{1}/_{32}$
Усл. печат. л. 10,9. Уч. изд. л. 5,3
Тираж 1 000 экз. Заказ №

ООО «ЮрСаПринт»
ЛИ № 02330/1010 от 31.01.2012 г.
Ул. Карла Маркса, 11. 230015, Гродно
+375 152 77 18 20
+375 295 87 84 11
e-mail algin72@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макет заказчика в типографии
ОАО «Оргстрой».
ЛП № 02330/0494197 от 03.04.2009.
ул. Берестянская, 16, 220034, г. Минск.

Несколько слов от автора

Гродно – город на западе Беларуси, из которого за полчаса можно добраться до границы с Польшей, за сорок минут – до границы Литвы. Удивительно, но при такой географии именно здесь сохранилась одна из самых древних белорусских церквей – Коложа. Она стала символом когда-то проходившей межи между христианством и языческим миром, во многом определившей судьбу этого места. Рождённый «оградить»– защитить, этот город сам, как никто другой, нуждался в защите. Может быть, поэтому в истории Гродно и Коложи, или Коложи и Гродно, – как кому больше нравится прослеживается неизменная закономерность. Драматические изменения в жизни города так либо иначе отражались и на храме, а все, что происходило с самим храмом, каким-то уж совершенно сверхъестественным образом определяло и судьбу Гродно.

«Город пребывал в покое и мире, словно не знал, что глядят на него тысячи глаз. Со всеми своими четырёхугольными и круглыми башнями, с десятками переулков и улиц ... Силуэты башен. Искры окон. Всё это выглядело таким мирным, так напоминало какие-то другие города...» – так описывает место, где разворачиваются события книги «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», Владимир Короткевич. И пускай Гародня, увиденная писателем, это не совсем Гродно, о котором пойдёт речь, все же они чем-то очень похожи.

Нас, кто решил здесь задержаться подольше, а тем более тех, кто «приземлился» в Гродно всего на минуту, город почти на каждом шагу встречает загадками. Например: «Когда и кем была построена Коложа?» Или: «Как называлась одна из первых книг по истории Гродно?» Но может быть и такая: «Какие гродненские ворота украшает цитата из произведений Жан Жака Руссо?» Хочется получить ответы если не на все, то на очень многие вопросы.

Он, в самом деле, может быть загадочным, таинственным, даже секретным. Ведь секреты, большие или маленькие, есть у каждого. Есть они и у Гродно. Некоторые из них появились по недоразумению, некоторые – плод чьей-то богатой фантазии. Встречаются секретики, а есть – секреты, с большой буквы, уходящее глубоко в даль веков, как подземные ходы, будоражащие воображение не одного поколения гродненцев.

И тогда, в который раз, начинаешь вдруг перебирать в памяти имена, которые давно уже дожидаются своей очереди, чтобы появиться на этой большой сцене под названием Гродно. Князья и святые, магнаты и колдуны, губернаторы и городские юродивые. Порой даже удивляешься этому калейдоскопу имён, титулов, званий, будто все они – участники какого-то таинственного, непрекращающегося карнавала. На мгновение зазеваешься, ослеплённый блеском чужих судеб – как вдруг внезапно из пёстрой толпы выныривает новый персонаж и заключает вас в объятья...

И тут, опять же, нам не обойтись без ориентира. Для этого нужно всего лишь попытаться посмотреть сквозь историю храма на сам город, как смотрят дети на мир через осколок цветного стекла. Коложа сама укажет нам путь. Возможно, кому-то он покажется непривычным. Не спешите. Почти каждый из выбранных отрезков, словно временные кольца на старом дереве, оставил свой отпечаток в облике храма, а значит, и в жизни Гродно.

Правда, серьёзные историки, возможно, нас не поймут. Как это – прошлое без архивных ссылок, без библиографии и методологии? Какие могут быть в Гродно викинги? Что за рунические надписи и языческие капища?! И посоветуют почитать что-нибудь более весомое, чем наша карманная история. Возможно, авторства самих же серьёзных историков. Не отказывайтесь. Это в любом случае будет полезно.

И, да, легендарным зодчим коложского храма считается Петр Миланег, одна из первых книг по истории Гродно называлась «Ирь Гиборим», что в переводе с идиш означало «Град именитых людей». А изречение французского философа украшает изнутри ворота городской тюрьмы и звучит так: «Против всего можно устоять, но не против доброты».

Гродненские ворота
(до 1183)

У каждой, без исключения, истории есть свои истоки. Наша берет своё начало в глубокой древности, когда не то что Гродно, Коложи, но и самого места, где им было суждено появиться, не существовало даже в набросках.

Это сейчас мы называем самую узкую долину Немана в его среднем течении «гродненскими воротами». Раньше, около миллиона лет назад, вместо города здесь располагался озёрный край, через который протекала древняя безымянная река. Когда наступало очередное глобальное похолодание, с севера надвигался ледник, и жизнь вокруг замирала. Когда ледник, наконец, таял, эти территории на время становились дном обширного моря. Затем море исчезало, и река вновь возрождалась. Не случайно один из оврагов в окрестностях Гродно, где на поверхность

выступали отложения голубовато-зеленого минерала глауконита, когда-то называли «зелёной долиной». А при желании во время прогулки на меловые горы и сейчас можно отыскать «чёртовы пальцы» – окаменелые остатки древних моллюсков.

Пока последний ледник ещё не отступил, по краю тундры бродили стада мамонтов, бегали шерстистые носороги, облюбовавшие болотистые берега. Не случайно кости доисторических животных в окрестностях города находят обычно рядом с ручьями и небольшими речками: Городничанкой, Лососянкой, Солянкой. Когда же началось очередное потепление, талые воды пробили себе путь через высокие моренные гряды, которые геологи стали называть «гродненскими воротами». Но дальше река упёрлась в край ледника, образуя широкие изгибы и пороги. Именно по этой причине, вопреки тому, что подсказывает знание географии, в центре Гродно Неман течет... с востока на запад, словно изначально навязывая нам собственные правила. И только уже за Коложей река, словно оттолкнувшись от берега, на котором стоит храм, берет курс на север!

Со временем бывшие песчаные дюны и моренные холмы покрылись густым лесом. Среди непроходимых пущ и болот именно реки стали естественными путями коммуникаций и надежными ориентирами. Не случайно само название «Неман» созвучно со славянскими «мена» – торговля, либо словом «нем», «немой», обозначавшим «тихий, спокойный».

Так же и литовское «Нямунас» обычно выводят от жмудского «домашний», «обжитый». Правда, некоторые исследователи видели в названии реки куда более древние, кельтские корни, и переводили его, наоборот, как «неистовая», «ужасная». У Немана существует и еще одно имя – Кронон, под которым он попал на европейские карты.

Ян Длугош писал о Немане: «...Он течет таким неровным и запутанным течением, что плывущие по нему после целого дня плавания часто, по близости места из-за извилистости русла, берут огонь от костра вчерашнего дня». Добавим, что в той части, где Неман протекал по территории Восточной Пруссии, он менял свое имя на Мемель, производное от «мелководье».

Но, если есть «ворота», рано или поздно в них кто-то захочет зайти! Поэтому археологи считают доказанным факт, что Гродно возник на сто – сто пятьдесят лет ранее первого летописного упоминания. Другое дело – кто его основал и зачем? Возможно, что это была укреплённая фактория со смешанным по составу населением, за которым в литературе закрепилось название «ятвяги». Ятвяги занимались войной, промыслом и обеспечением речной торговли по Неману. Согласно другой версии, Гродно-Гардинас изначально был литовской крепостью, защищавшей переправы через Неман. Так, в хронике Семена Груна первым гродненским князем называется Гарто – внук прусского короля Видевута, которому досталась во владение так называемая Малая или Нижняя Литва...

Не обошлось здесь и без скандинавского влияния. К слову, самые древние из известных нам городов на Немане, рядом с устьем реки, появились именно в эпоху викингов. Некоторые историки, как, например, Юзеф Йодковский, основатель гродненского музея, безуспешно искал следы пребывания здесь викингов – норманнов. По иронии судьбы, во многом именно из-за него, а точнее, из-за спешки проведённых им раскопок и была потеряна возможность узнать что-то больше на этот счет. Уже спустя много лет при строительстве «Азота» был случайно обнаружен обломок меча, который вполне мог принадлежать викингам. Но и в этот раз спешка помешала в дальнейших поисках.

Как бы там ни было, сегодня историки склонны считать, что крепость Гродно была заложена в конце X – середине XI веков древнерусскими князьями. Не случайно само название «Городен», «Городня» напрямую связано со словом «городить». В данном случае оно означало границу славянского влияния и, одновременно, новые укрепления. Правда, если другие крепости – Новогрудок, Волковыйск, Услоним – были расположены по краю ятвяжских земель, то Гродно находилось глубоко в Ятвягии.

Во второй четверти XII века Городен становится центром удельного княжества, а оборонительные укрепления на Замковой горе превращаются в княжескую резиденцию. И вот тут нам предстоит самое сложное: разглядеть среди безмолвных древних

руин лики живых людей той далекой эпохи. А все потому, что дошедшие до нас письменные источники весьма скупы на подробности. К тому же трактовать их можно совершенно по-разному.

Многие историки, ссылаясь на древнерусские летописи, в качестве основателя гродненской династии называют князя Всеволодку. Его имя с приставкой «городенский» встречается в источниках под датой 1127 год. Она и выбрана в качестве первого упоминания о Гродно. При этом цифра на год больше, которую также можно встретить, – всего лишь досадная ошибка, связанная с переводом средневекового календаря на современное летоисчисление.

Одни исследователи ведут родословную Всеволодки от волынского князя Давида, другие – от брестского князя Ярослава. Сходятся они только в том, что он был женат на дочери Владимира Мономаха – Агафье. Не менее запутанная история и с его сыновьями. Принято считать, что их было трое: Борис, Глеб и, вероятно, Мстислав. Кроме прочего, поражает сама география военных походов гродненских князей: от «литвы» и половцев до Галича, Киева и того же Полоцка.

Еще одной особенностью древнерусского города по праву считается масштабное каменное строительство. К концу XII столетия Городен-Гродно уже представлял собой целый комплекс оборонительных сооружений, включавший детинец и окольный город. Вал на Замковой горе был усилен «городня-

ми», особыми конструкциями из дерева и земли с боевыми галереями наверху, и обложен камнем. Возможно, что укрепления вокруг детинца были полностью возведены из кирпича-плинфы. В таком случае аналогов подобного укрепления эпохи Киевской Руси в Беларуси больше нет! При этом даже в самом большом и богатом городе на территории Беларуси того времени, Полоцке, не было каменной княжеской резиденции. А в Городне она была!

Но откуда в городе с населением примерно в полторы-две тысячи человек появились средства для такого масштабного и дорогостоящего строительства? В экспозиции Гродненского историко-археологического музея хранится один неприметный артефакт. Это миниатюрная шахматная ладья в форме корабля, обнаруженная еще польскими исследователями во время раскопок на Замковой горе. Обычно ее датируют серединой двенадцатого века. Ладья вырезана из камня. Она будто бы светится изнутри, пульсируя серовато-зелеными прожилками. Издали фигура напоминает чашу, парящую на длинной ножке над прямоугольной подставкой.

По своей форме шахматная миниатюра из Гродно соответствует новому для своего времени типу ладьи – насад. Корабль этот не совсем обычный. Неизвестный мастер изобразил его с двумя одинаково острыми носами. Будь он настоящим судном, а не его копией, наверняка без труда перемещался бы в любом направлении. По бортам ладьи идут круглые отверстия для весел, а сами гребцы

оказались спрятанными где-то под палубой, которая скорее напоминает крышу. Наверху осталось только два воина: один полулежит, согнув колени, и не отрываясь смотрит вперед, а второй крепко держит весло. Еще двое воинов стояли когда-то у бортов, но от них остались лишь щиты, украшенные изображением из точек, символом защиты «со всех сторон света». Вполне вероятно, что именно такие ладьи-насады и представляли решающий аргумент гродненских князей в борьбе за торговый путь из Балтики. Контроль же торговли по среднему Неману и гарантировал содержание строительной артели, в которую, возможно, входили, кроме архитектора и строителей, иконописцы, ювелиры, столяры-краснодеревщики, опытные мастера керамики, мастера обработки камня, литейщики.

Первое упоминание о насадах встречается в летописях в связи с борьбой киевского и владимиро-суздальского князей: «...Князь Изяслав исхитрил ладьи дивные: в них гребцы гребут невидимо, токмо весла видети, бо ладьи те покрыты досками. Воины, стоящие на горе во бронях, стреляющие, а кормника два, един на корме, а другой на носе, и куда хотят тамо и идут!» Корабли, которые могут плыть против течения, да еще и снабженные дополнительной защитой. Столетие спустя, после того, как Тевтонский орден «оседлает» устье реки, торговый путь иссякнет, и гродненское княжество, утратив финансовые ресурсы, станет по доходам соответствовать своим размерам. Только много позже, уже

после падения Ордена, на смену насадам придут витины, тяжелые грузовые речные судна под парусом.

Само княжество после смерти Всеволодка в 1141 году скорее всего было поделено на несколько уделов: Гродненский, Волковысский и Новогрудский. Но князь и его потомки не просто возвели новые укрепления. Фактически они создали настоящий политический и культурный центр над Неманом, сердцем которого должен был стать величественный детинец, а душой – Коложа! Ведь сила оружия составляла только часть могущества гродненских князей, распростерших свою власть над этими реками и пущами. О том, на чем на самом деле зиждела сь их власть, можно узнать из текста на шиферном пряслице, найденном на Старом замке, с лаконичной надписью: «Господи, помози рабе своей...».

Темные времена
(1183–1283)

В 1183 году «....Городенъ погорел весь и церковь каменая от блистання молний и шибения грома». Именно эти строки из летописи историки и считают первым упоминанием о Гродно. Не «городенских» князьях, а именно о самом городе. Вот только, видимо, правильнее было бы сказать, не первым, а последним. В том смысле, что эта дата и стала тем самым рубежом, после которого поток истории устремился совсем в новое русло. И дело даже не в том, что сразу после этого Гродно надолго исчезает из письменных источников. За обычным, казалось бы, описанием стихийного бедствия скрываются куда более драматические события.

В каком-то смысле грядущий век стал «темным» временем в истории средневекового Гродно. И загадок он оставил нам более, чем предостаточно. Вопрос только в том, откуда начать их разгадывать. Ведь история

существует сразу в нескольких измерениях, и иногда новое столетие наступает гораздо раньше, чем ему положено по календарю. Так случилось и с Гродно...

В силу своего приграничного положения, Гродненское княжество имело тесные контакты с балтскими племенами, которые проживали буквально на расстоянии вытянутой руки. Но, что куда важнее, это была граница между двумя мирами: христианской цивилизацией и язычеством. Причем языческим духом были проникнуты не только ятвяги с литвой, но и сами славянские колонисты. Не случайно Кирилл Туровский, современник коложского храма, предупреждал: «Не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни источницы ни древа».

Из всех известных каменных гродненских храмов XII столетия Коложе традиционно отводится место самого «младшего», построенного последним. Принято считать, что церковь была возведена около 1180 года, а значит, стала современницей событий, описанных в «Слове о полку Игореве», и крестовых походов Ричарда Львиное Сердце (а заодно – и строительства храмового комплекса в Анкоре). Это было время, когда удельные восточнославянские княжества достигли зенита своего могущества. Поэтому Коложа – это не только памятник торжества христианства, но и зримый символ политических амбиций гродненских князей.

Привычное нам название Борисоглебская церковь – Коложа (или Борисо-Глебская Ко-

ложская церковь) – является сочетанием двух совершенно различных традиций. С большой долей вероятности можно утверждать, что храм с самого начала был возведён в честь святых Бориса и Глеба. Но возможно, что это название церковь получила гораздо позже. Самым необычным остаётся её личное имя – Коложа, которое отличает церковь от всех остальных. Традиционно его связывают с предместьем Пскова, Коложей, откуда князь Витовт будто бы пригнал из похода пленных, поселив их рядом с гродненской церковью, о чем речь впереди.

Правда, в последнее время прижилось другое объяснение устоявшегося уже названия. Оно отсылает к бьющим из-под земли «колючим» родникам! Коложские родники и в самом деле необычные. В середине XIX века статский советник инженер Штукенберг, посланный в Гродно обследовать состояние Коложи, писал по этому поводу: «На ключи, вытекающие в изобилии при подошве берега Коложанской горы, где наверху находится древняя церковь, следует обратить особое внимание, исходя из того, что вода их железистая и считается целебною, привлекая сюда и теперь людей, купающихся в их воде с гигиеническою целью. Так как нигде в околотке нет по берегам Немана столь ключистого места, то не было ли это поводом для основания в древнее время именно здесь церкви?..»

Уединённое сегодняшнее местоположение Коложи послужило поводом для предположений, что мыс над Неманом для неё был

выбран не случайно. Вероятно, церковь сразу строилась как монастырский храм, вдали от мирской суеты. Согласно другим историкам, плато вокруг храма было первоначально довольно населённым. Иногда его даже называют «коложанским посадом». От Немана храм долгие столетия отделяло приличное расстояние. Между ними умещались сад и проезжий тракт, а собственно монастырь мог появиться здесь только лет триста спустя. Некоторые исследователи убеждены, что Коложа была храмом-крепостью, прикрывавшей подходы к Гродно со стороны Городничанки. Другие пошли ещё дальше в своих гипотезах, предположив, что коложское плато и являлось тем местом на территории Гродно, где прежде всего зародилась жизнь города.

Правда, некоторые историки считали, что Коложу поставили на месте языческого капища, чем, среди прочего, обяснялась и её опасная близость к реке. Одним из косвенных доводов в пользу гипотезы о языческом прошлом может служить огромный валун, найденный несколько лет назад в земле рядом с Коложей и послуживший основой для памятного знака в честь князя Давида Городенского. Возможно, это остатки древнего святилища. Кроме того, и сами родники почитались как места священные.

Сегодня уже традиционно связывают строительство церкви с гродненским князем Мстиславом Всеволодовичем, а в качестве зодчего, построившего Коложу, историки называют Петра Миланега. Однако почти пол-

ное отсутствие письменных источников на этот счет превращает Петра Миланега скорее в символического, чем реального создателя храма. Кроме прочего, мы не можем прямо ответить даже, казалось бы, на простой вопрос о том, как первоначально выглядел храм. Например, вполне возможно, что первоначально храм имел в юго-западном углу специальную звонницу, напоминающую башни оборонных церквей. Признавая общность традиции, специалисты расходятся в очень важных деталях – это примерно так же, как гадать про изначальный вид Венеры Милосской.

Архитектурные особенности Коложи можно перечислять долго. Это и «голосники», вмурованные в стену сосуды, и майоликовые плитки с полированными валунами, которые украшают ее снаружи. И знаки на плинфе, не имеющие однозначного объяснения. Коложу, как никакой другой гродненский храм, защищали руны — древнее письмо, каждый знак которого являлся мистическим символом. Само слово «руна» означает «тайна», «таинственно шептать». Ведь с богами нужно было говорить на понятном им языке. Не случайно в Гродно рунических знаков на плинфе найдено больше, чем в любом другом восточнославянском городе. По сути, эта церковь — древняя книга. Гродненский храм является зримым символом драматической истории христианства на наших землях. Начиная с первого упоминания о Гродно, когда, согласно летописи, пожар уничтожил каменный храм (храмы), и до превращения его в фили-

ал музея атеизма всё здесь неразрывно связано. Гнев отвергнутых богов бывает страшен, и одна из церквей, скорее всего княжеская на территории дединца, погибла в огне пожара «от блистания молний и шибения грома».

Как раз накануне польский король Казимир захватил Брест, а уже зимой 1183 года литовские племена, которые до этого покорно платили дань славянским князьям, вдруг внезапно пробуждаются и совершают опустошительный поход на Полоцк и Псков. И только князь Изяслав «позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами». В этом контексте и знаменитые строки все того же «Слова о полку Игореве» про «трубы городенские» звучат совсем иначе. Вряд ли мы уже узнаем, о чем они трубили: призывали ли на помощь или, наоборот, возвещали о победе. Символично, что почти в то же самое время, когда языческая стихия стирает в Гродно с лица земли церковь (церкви?), умирает один из столпов христианства на Беларуси – Кирилл Туровский. Чем не конец эпохи?

Также достоверно не известно, избежал Гродно монгольского нашествия или нет. Согласно все той же традиции, последним гродненским князем считается Юрий Глебович, внук Всеволодка. Историк П. Бобровский так описывал его гибель в 1241 году: «[монгольский хан] Кайдан ворвался в гродненское княжество, осадил город и после упорного

сопротивления войск Юрия, захватил его. Юрий погиб, его войско было уничтожено, замок сожжен...» Это потом придумают историю о том, как Миндовг отправил литовского князя Эрдивилла вместе с братьями Викиндом и Товтивиллом искать себе княжества в славянской земле, где они и заложили на месте сожженной татарами крепости новый замок. Сегодня эти строки воспринимаются всего лишь как легенда.

В 1252 году Гродно после почти семидесятилетнего перерыва вновь попадает на страницы летописи. Город превратился в арену ожесточённой борьбы между литовскими князьями и Галицко-Волынским княжеством. Галицкие князья «взяли Городень», но, судя по всему, не смогли его удержать. Ещё через шесть лет, сообщает летопись, волынскому князю Даниилу Романовичу вновь «захотелося идти» на Гродно. После чего упоминания о нем опять обрываются на двадцать лет.

Когда Гродно вновь встречается в летописи, здесь уже правит литовский князь Тройден. Можно только догадываться о том, что происходило в жизни самого города в этот промежуток времени. В 1275 году Тройден посылает «городнян» захватить Дрогичин на Буге. Христианские воины из Гродно с помощью предателя врываются в город прямо на Пасху и устраивают настоящую резню: «Взяли на сам Великдень, побили всех от мала до велика».

В 1277 году галицко-волынские князья в последний раз осадили Гродно. Поводом для

очередной войны стало то, что Тройден поселил в городе язычников-пруссов, сбежавших от преследования крестоносцев. Когда-то прусские племена занимали территорию от Мазурских озер до Куршской косы, оставаясь одними из последних язычников почти в центре христианской Европы. Но с того момента, когда войну против пруссов приравняли к крестовым походам в Палестину, их судьба была предрешена. От желающих прославить себя в сражениях с язычниками не было отбоя. Например, один из таких походов на Самбию возглавил чешский король Оттокар II. Но больше всего в войне против пруссов преуспел Тевтонский орден, пришедший на берега Балтики из Трансильвании, где до этого тевтонцы сражались с половцами. В результате крестоносцам досталась не только захваченная страна, но и её название – Пруссия.

Дольше всех Тевтонскому ордену сопротивлялась Судовия, которая как раз граничила с гродненским княжеством. После десятилетия походов и кровавых сражений Скуманд, последний из вождей судовов, даже вынужден был, согласно немецкой хронике, «со всей челядью и друзьями уйти из земли своей» ещё дальше на восток. Возможно, именно этот эпизод попал на страницы летописи: «Придиша Прусы к Тройдену из своей земли неволею передъ немцы. Он же принял их и посадил часть в Городне, а часть их посадил во Въслониме».

Воспользовавшись предлогом, волыняне вместе со своими союзниками татарами

выступили на Гродно. Однако, посланный вперед отряд проявил непростительную беспечность. В самом конце пути, уже за Волковысском, воины «легли на ночь, и без охраны, и доспехи свои поснимали». Стоило лазутчику сообщить об этом в городе, как пруссы, жившие в Гродно, «...ударили на них ночью и побили всех, а иных схатили и повели в город». Эта вылазка в чем-то решила ход войны. Правда, подошедшие следом основные части волынян успели разорить окрестности города и даже захватили каменную башню, которую, к слову, защищал гарнизон из прусских воинов. «Столп бо был каменный высокий перед воротами города, – пишет летописец, – и заперлись в нем Прусы, и нельзя мимо оного было пойти к городу, бо побивали со столпа того; и тако приступили к нему и взяли, и, страх же велик и ужас пал на город, и были аки мертвые стоявшие на стенах города, узнав о взятии столпа, так как на него было упование их». Кстати, это ещё одна загадка, так как ни время постройки башни-«столпа», ни её внешний вид, ни, собственно, место, где она находилась, точно не известны. И все же взять сам гродненский замок в этот раз волынские князья так и не смогли: «Получили своих бояр, а городу ничего не сделали, так и вернулись восвояси».

Стал ли Гродно вновь языческим? Тот же Ю. Йодковский, обнаружив на земле рядом с так называемой Нижней церковью на Старом замке покрытые копотью огромные отполированные валуны, которые до этого

украшали стены храма, предположил, что это остатки жертвенников. Дескать, приверженцы старой религии извлекли из церкви священные камни. Более того, он считал, что даже сама Коложа пережила превращение в капище. Однако, дальнейшие события убеждают в том, что христианство из города никуда не исчезло...

...Terra Grodniensis: свой среди чужих...

(1284–1384)

Короткая передышка, последовавшая после заключения мира с Галичем, оказалась преддверием новых, куда более суровых испытаний. В истории ничего не происходит без причины. И даже для того, чтобы отнять земли у соседа, нужен предлог. Именно таким поводом, которого так не хватало Ордену, чтобы начать вторжение на земли, бывшие христианскими уже не одно столетие, стали все те же язычники-пруссы, укрывшиеся в Гродно. Причем под стены Гарты, как называли замок крестоносцы, немецких рыцарей привел все тот же Скуманд. Накануне он вместе с частью пруссов, «утомившись изгнанием, вернулся в землю родины своей», где вдруг «стал ревнителем веры, славным вождем народа христианского». Другими словами, перешел на сторону Ордена. И уже следующее столетие

прошло для Гродно в непрерывных сражениях с крестоносцами.

Вот как хронист описывает тот самый первый поход Конрада Тирнберга на Гартен в 1284 году. «...Магистр, еще не насытившись войной с язычниками, собрал сильное войско и, ... переправившись через Мемель, расставил в надлежащих местах лучников. Когда они приставили лестницы к стенам, завязалась столь великая битва, что робкие не осмелились бы смотреть на такое. Осажденные оказывали мощное сопротивление, и с каждой стороны было много раненых. Наконец, по воле Божией, братья вторглись мощным натиском и, всех убив или взяв в плен, сожгли замок».

Всего через два года после разорения города князь Витень обрушился на польский Добжин, где захватил огромное количество пленных. В ответ польский король обратился к римскому папе с просьбой объявить крестовый поход против «врагов христианства – поганых литовцев». То, что Гродно языческим не был, уже не играло большой роли. Правда, это вовсе не отменяет факт, что сам город превращается в базу для нападения Литвы на соседние Пруссию и Мазовию.

Крестоносцы штурмовали Старый замок, и не раз. «Зимой 1296 года, – пишет историк Михась Ткачев, – возрожденный из пепла гродненский замок осадил отряд тевтонцев во главе с комендантом Бальги Зигфридом Райбергом. Замок устоял, но жилые кварталы и все окрестности города были преданы

огню. ... В том же году, весной, последовал повторный поход большого войска крестоносцев на Гродно. Его возглавил брат Бертольд. Рыцари атаковали замок, но встретили такое сильное сопротивление, такой град копий и дротиков, что вынуждены были, забрав убитых и раненых, убраться восвояси». Через несколько лет внезапный набег на Гродно совершил рыцарь Альберт фон Хаген с отрядом из четырехсот воинов, а зимой 1306 года окрестности города разорил комтур Конрад Лихтенхаген.

Вскоре попытку захватить Гродно предпринял кенигсбергский командор Гебхард фон Вирнербург. Он привел с собой шесть тысяч легковооруженных всадников и сотню рыцарей, но смог захватить лишь посад: «Когда братья напали на замок, его жители, мужественно сопротивляясь, вышли на битву, которая велась долго. Наконец братья обратили их в бегство. Тогда, вернувшись в замок и через некоторое время собравшись с силами и духом, они снова вышли на битву, и так совершалось много раз от восхода солнца до полудня. И порой эти теснили тех, порой – наоборот...»

Наверное, самым известным из гродненских князей был Давыд – Давид, сын псковского князя Довмонта-Тимофея, правнук Александра Невского, зять Гедимина. Обычно утверждается, что он по завету отца прибыл в Литву из Пскова, уже к 1312 году становится гродненским каштеляном.

Фактически впервые как военачальник он проявил себя спустя два года, когда крестоносцы осадили Новогрудок. Воспользовавшись отсутствием основных сил, Давыд уничтожил военный лагерь рыцарей и их запасы, после чего тем пришлось спешно отступить.

Именно Давыд не только сумел прервать череду вражеских осад, но и возглавил несколько кровавых ответных рейдов, которые принесли богатую добычу. В отместку, крестоносцы из Наттангии, вполне вероятно, напали и сожгли аллод, резиденцию Давыда. У белорусских историков это событие обросло массой дополнительных подробностей: аллод превращается в «родовое поместье» Давыда, причем точно указывается его место – Вертелишки (у гродненского историка Е. Орловского это имение Давидишки). Боле того, появляется трогательная история о смерти его супруги, дочери Гедимина княжны Бируты, которая якобы погибла вместе с детьми.

Дальнейшие события теперь выглядят как месть за гибель близких. Давыд с сильной армией обрушился на врагов. Вот только выбор пал отчего-то не на самих крестоносцев, а на Мазовию и земли плоцкого епископа. Позже, в своем письме к римскому папе мазовецкие князья вместе с епископом просили помощи против князя Давыда, которого обвиняли в «избиении множества людей» и взятии около десяти тысяч пленных. В той же «Хронике земли Прусской» П. Дусбурга красочно подаются жуткие подробности похода Давыда в окрестности Франкфурта в

1326 году. Правда, хотя на этот раз он и выступал как союзник польского короля, сам результат от этого не поменялся: «Они убивали мужчин, а женщин и многих знатных матрон с девушками и детьми уводили в плен».

Гродненский каштелян погиб, возвращаясь из похода. М. Стрыйковский пишет: «Нашелся некий Анджей, шляхтиц правый, смешался с литвинами, как второй Стевола, и воткнул длинное копье в Давида в палатке». Немецкие источники, правда, не называют имя убийцы, но зато подробно объясняют причину его поступка: «И вот, когда земля эта была опустошена, ...за этим войском, притворяясь другом язычников, следовал один поляк, скорбящий о таком побоище христиан, и, когда они пришли в назначенное место и время, Давида, каштеляна Гарты и вождя этой войны, нанесшего, как говорилось выше, бесчисленные злодеяния вере и христианам, он убил на глазах у многих». Белорусские же историки уверены, что убийцу Давыда Городенского подкупили крестоносцы.

Это может показаться удивительным, но одним из редких памятников той эпохи, дошедших до нас, является водолей из Коложи, сегодня хранящийся в Музее истории религии. Это специальный бронзовый сосуд-акваманил для омовения при совершении литургии. Он представляет собой фигуру витязя, неподвижно застывшего верхом на грузном коне с широкой круглой грудью и смешной головой на короткой шее. Одной рукой, тонкой, словно прут, воин придерживал

поводья, тогда как вторая словно пыталась выхватить оружие, от которого давно не осталось и следа. Вместо лица зияет глубокая брешь.

Гродненский водолей был изготовлен где-то в Германии примерно в середине XII века. Он был едва ли не единственным предметом из всей древней утвари, каким-то чудом сохранившимся в храме. Последние сорок лет, прежде чем снова оказаться в Гродно, рыцарь провел в запасниках института истории Литвы, пока его не вернул в Гродно директор музея атеизма Алексей Карпюк. С большой долей вероятности можно утверждать, что этот водолей – трофей, а имя того, кто его добыл, украшает сегодня огромную каменную глыбу в нескольких шагах от Коложи.

Кстати, с Коложей связана и легенда о том, что тело Давыда его воины на щитах принесли в Гродно и похоронили рядом с церковью. Существет, правда, и другая, уже современная легенда. Согласно ей, во время дружеского застолья один уважаемый археолог вдруг поднялся и предложил всем собравшимся выпить за великого воина – князя Давыда, похороненного у стен древнего храма! Тост подхватили, и с этого момента вопрос о том, где покоится гродненский каштелян, больше не возникал...

Нужно заметить, что новый характер военной угрозы только способствовал совершенствованию системы оборонительных укреплений города. Все тот же Давыд отстроил гродненский замок, чем заставил всерьез

поволноваться своих ближайших соседей. Теперь чтобы попасть от переправы через Неман в княжескую резиденцию, приходилось проделать долгий путь. Вначале, после крутого подъёма по уже не существующему глубокому оврагу рядом с сегодняшним театром дорога шла к городским воротам. Дальше, с территории окольного города, который, вероятно, также был окружен стенами, нужно было перебираться по мосту в Нижний замок, откуда ещё один мост вёл уже непосредственно на Верхний замок. Но только третий – подъёмный мост – открывал путь на сам дединец.

Однако даже такие надежные укрепления не в силах сдержать удар, если приходится сражаться с невидимым противником. Гродно, с момента своего основания бывший одним из главных центров христианства на этих землях, вдруг в одночасье в глазах цивилизованного мира превратился в оплот язычников. И, если гродненскому каштеляну удалось отразить рыцарские рейды на свои владения, то идеологическую войну он, бесспорно, проиграл. Спустя всего два года после гибели Давыда город вновь оказался захваченным крестоносцами.

Позже гродненским князем становится Пацирг – Патрик. В источниках этот князь упоминается и как Патрик (Патрикей), и как Потырг (Пацирг). Принято считать, что Патрик был сыном великого князя Кейстута (есть и другая версия, согласно которой он был сыном князя Наримонта, в своё время заменившего в Гродно каштеляна Давыда).

Как бы там ни было, первоначально Патрик сам принимал участие в походах против Ордена и походы эти мало чем отличалися от нападений самих крестоносцев на Гродно. Литовское войско, как пишут хроники, повсюду «чинило обычное убийство, опустошение, захваты...»

Однажды зимой, во время одной из таких вылазок, Патрику не повезло: излишне самоуверенный, а может, недостаточно опытный князь с небольшим отрядом попал в западню. Его воины бросились переправляться по замерзшей реке, но лед оказался слишком слабым. Сам Патрик вместе с конем оказался в воде и наверняка неминуемо погиб, если бы не командор Шиндекопф, который его спас, что уже само по себе было чем-то необычным. Дальше же произошло и совсем уж невероятное — крестоносцы выходили больного юношу, а после отпустили к Кейстуту, да к тому же не потребовав выкуп (наверное, это единственный подобный случай за все время, пока шла война Великого княжества Литовского с Орденом)! Ничего удивительного, что позже, в решающий момент, в отличие от Давыда, Патрик предпочёл силе оружия веру!

В это время в самом Великом княжестве официальной религией оставалось язычество, чем, в первую очередь, и обосновывалась в глазах католической Европы военная экспансия Тевтонского ордена на эти земли. В этом смысле очень примечательным выглядит диалог, который вышел между представителями мазовецких князей и Ордена.

Дипломат крестоносцев обвинил польскую сторону в том, что те, в обход прежних соглашений, поддерживают связи с язычниками-литовцами. Поляки с возмущением отвергли подобные обвинения, заявив, что с язычниками дел не имели, а только принимали у себя гродненского князя Патрика. На что крестоносцы сухо ответили: «Это одно и то же»!

Вполне вероятно, что именно в это время и появляется на Замковой горе, почти напротив Коложи, новая церковь, которую с легкой руки археологов позже назовут, взамен утраченного имени, Верхней. Пускай внешне она и вышла неказистой. Крошечная, всего девять на девять метров, почти квадратная в плане, с толстыми стенами и кирпичным полом, церковь напоминала, скорее, маленькую крепость, где можно дать отпор врагу или найти последнее убежище для жаждущей спасения души. Но, возможно, именно здесь и проходил главный рубеж обороны Гродно.

В 1365 году тевтонские рыцари организуют очередной поход на Литву. Силы Великого княжества таяли прямо на глазах. Сил выстоять у князя Патрика и его дружины было немного, и над Гродно нависла смертельная опасность. И вдруг князь, до этого не раз с мечом в руке встречавший врага, приказывает открыть городские ворота, из которых к оторопевшим рыцарям выходит длинной вереницей процессия с крестами и хоругвами! Вместо воинственных, кровожадных язычников, которых ожидали увидеть в этой лесной глуши европейские рыцари, к

ним приближался... крестный ход! И враг отступил. Кажется, это был единственный подобный случай в истории крестовых походов!

По сути, Патрик не только спас город, но и защитил его надёжнее, чем силой любого оружия. Правда, князь Кейстут не оценил его заслуг. Вскоре тот был лишён своих владений и отправлен in terra Russie, на восточные рубежи Великого княжества, подальше от Гродно. Его след в истории вскоре вовсе теряется, и мы можем только догадываться о дальнейшей судьбе князя Патрика и его потомков. Вот только следующий раз крестоносцы появились под стенами гродненских замков спустя десять лет.

Но каким удивительным и странным ни казался бы поступок гродненского князя Патрика, отправившегося встречать врагов с хлебом и солью, ещё более неожиданно повёл себя один из его преемников – князь Витовт, которому довелось править уже в христианском государстве...

...Чужой среди своих
(1385–1501)

В пятницу, 5 февраля 1405 года князь Витовт «со множеством ратных пришеде» и осадил «град Коложе», пограничную крепость на подступах к Пскову. «Поганый отступник правыя веры християнския», как его называет летопись, захватив город, часть жителей «изсече», а оставшихся в живых «мужей и женъ и детей... поведе во свою землю». Вот так, совершенно неожиданно, впервые появляется имя гродненского храма Коложа. Правда, речь в летописи идет не о самой церкви, и даже не о Гродно. Легенда о том, что пленных коложан поселили именно тут, появилась значительно позже. Хотя сами гродненцы, вполне возможно, и принимали участие в походе на псковский посад. Но все же история с разорением Коложи еще не раз отзовется в судьбе города над Неманом.

Гродно было первым владением Витовта, которое он получил еще при жизни своего отца князя Кейстута. Позже Ягайло, лишив дядю власти, передает Гродно своему брату Свидригайло. Когда несколько лет спустя, в 1384 году Ягайло возращает Витовту часть отторгнутых земель, тот титуловался уже как dux Litwaniae ac dominius Hrodnensis. Возможно, именно в Гродно в конце 1389 года Витовт планирует неудачную попытку государственного переворота, которая была неудачной, для чего даже пошел на заключение договора с Орденом. Отсюда он, скорее всего, он и бежит к крестоносцам после того, как заговор был раскрыт. Когда в следующем году крестоносцы отбивают для Витовта Гродно, тот поручил оборонять гродненский замок от своего двоюродного брата... маркграфу Зальцбаху (von Sulzbach)!

Формально Ягайло действовал в роли миротворца, стараясь «разруху, тлеющую между Литвой и Русью, погасить». Но, хотя он и привел под Гродно огромную армию, сразу захватить город ему не удалось. Надо отдать должное, Витовт, который вместе со своими союзниками-крестоносцами стал лагерем на противоположном берегу, пытался помочь своему гарнизону. Он не только возвел на скорую руку новые укрепления, но ещё и протянул через Неман железную цепь, с помощью которой в замок перебрасывалась необходимая помощь. Защитники Гродно выдержали пятьдесят дней осады. Тогда Ягайло приказал валить лес вверх по течению и сплавлять

вниз по реке брёвна. Вековые деревья разорвали цепь, а гарнизон, не дождавшись подкрепления, вынужден был сдать замок.

И вновь через год князь Витовт отвоевывает город, но уже в союзе с великим магистром Конрадом Валенродом. Новая осада, несмотря на то, что у осаждающих была даже артиллерия, могла бы затянуться надолго, если бы литвины, защищавшие замок, не перешли на сторону Витовта, оставив польских рыцарей в одиночестве. Окончательно капитулировать гарнизон заставил пожар, который внезапно вспыхнул в замке. В довершение ко всему, Валенрод приказал казнить на месте пятнадцать поляков, а остальных отправил в Мальборк. Кроме того, за помощь в войне крестоносцам было позволено возвести в окрестностях Гродно замки Нойгартен – «Новый Гродно» и Миттенбург, что давало крестоносцам возможность держать под своим контролем сам город. Однако уже вскоре новые укрепления по приказу Витовта, не желавшего окончательно потерять контроль над своими владениями, были уничтожены.

В отместку Вернер фон Теттинген, новый маршал Ордена, во главе армии немецких и английских рыцарей разоряет Гродно. И хотя замок оборонял сильный гарнизон, видимо, из-за беспомощности военачальников в этот раз крепость продержалась всего лишь три дня! Тысяча литвинов полегла в битве, а еще три – отправились в плен. Сам же город был разрушен до основания. Спустя всего несколько лет, когда жизнь начинает возвра-

щаться на пепелища, крестоносцы вновь захватывают Гродно. Казалось бы, после такого город должен был исчезнуть. Вместо этого вскоре на месте пепелища вырастает новый каменный замок с пятью башнями и двухэтажным княжеским дворцом. Толщина его стен доходила до трёх метров, а от города крепость отделял пятидесятиметровый сухой ров. Больше Гродно крестоносцы взять не смогли.

Новый замок вполне годился не только для защиты, но и для дипломатических встреч. Не случайно город становится местом очередных переговоров между Витовтом и Орденом, которые долны были принести обеим сторонам долгожданное перемирие. Но после короткой передышки война вспыхивает с новой силой. В феврале 1402 года Теттинген на протяжении трех дней опустошал окрестности Гродно, а уже в начале марта новый отряд крестоносцев грабил пригороды города. Проходит еще два года – и гродненский замок принимает новую делегацию крестоносцев! На этот раз речь шла о том, чтобы отдать Ордену Жмудь.

Но именно это очередное перемирие с крестоносцами дало возможность Витовту на время перенести свое внимание в сторону Пскова. В истории с Коложей скрывается ещё один пародокс. С одной стороны, когда Литва оставалась языческой, каштелян Давид из Гродно спасал Псков от врагов, теперь же, приняв католическую веру и став христианским правителем, dominius Hrodnensis

Витовт уже сам угрожал Пскову. Сам же князь вполне успешно перенял у крестоносцев тактику «выжженной земли». Насколько опустошительным оказался поход против Коложи, пригорода Пскова, можно судить хотя бы по тому, что сама крепость больше так и не возродилась. Вот, правда, о том, что пленников, которых якобы было в несколько раз больше, чем жителей Гродно, Витовт поселил именно в окрестностях города, да еще рядом с древней церковью, в летописи ничего не сказано. Позже российские авторы не сомневались, что «пленные православные коложане, живя на чужбине» были «главными охранителями и поддержателями русской православной тут древности, давши самому месту свое издавнее именование Коложа». Скорее, это уже вопрос, кто во что верит. С другой стороны, хотя само по себе крещение не отменило угрозы со стороны крестоносцев, оно во многом предопределило будущую победу Великого княжества в войне с Орденом. Не случайно знак в память о том, что союзные войска накануне Грюнвальдского сражения собирались в Гродно, поставлен рядом с Коложей.

Ослабление Ордена приводит к тому, что начинается интенсивная колонизация гродненской пущи на правом берегу Немана, когда-то составлявшей часть Ятвягии. С этого времени освоение пущи постепенно приобретает регулярный характер. Новыми жителями пущи становятся православные «русины» из окрестностей Гродно и литовцы,

а им на встерчу с Подлясья двигалась волна польских осадников. Но, прежде всего, Витовт приезжает сюда на охоту. Теперь Гродно упоминается на страницах хроник почти исключительно как княжеская резиденция. В самом же городе управляет наместник великого князя. Здесь Витовт встречается с польским королем, пытаясь разрешить очередные противоречия, принимает контура крестоносцев и многочисленные посольства. Тут, в гродненском замке, в 1418 году он празднует и свой брак с княжной Юлианной. Очередная смута, последовавшая вместе со смертью великого князя, не прошла мимо города. Именно в Гродно осенью 1432 года было подписано соглашение между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, по которому Литва признавалась наследственной собственностью польской Короны.

Восемь лет спустя великим князем становится Казимир Ягеллончик. Двенадцатилетнему юноше достается незавидное наследство. «В результате кровавой гражданской войны, – пишет историк В. Кононович, – страна была разорена, города и веси лежали в руинах и пепелищах. Государственная казна почти опустела. Существовала реальная угроза государственному суверенитету и территориальной целостности... То, что с таким трудом на протяжении почти двух столетий добывали Витовт и его предшественники, их потомки почти растеряли всего за несколько лет». Однако молодой князь сумел удержать государство от распада, казалось бы, уже не-

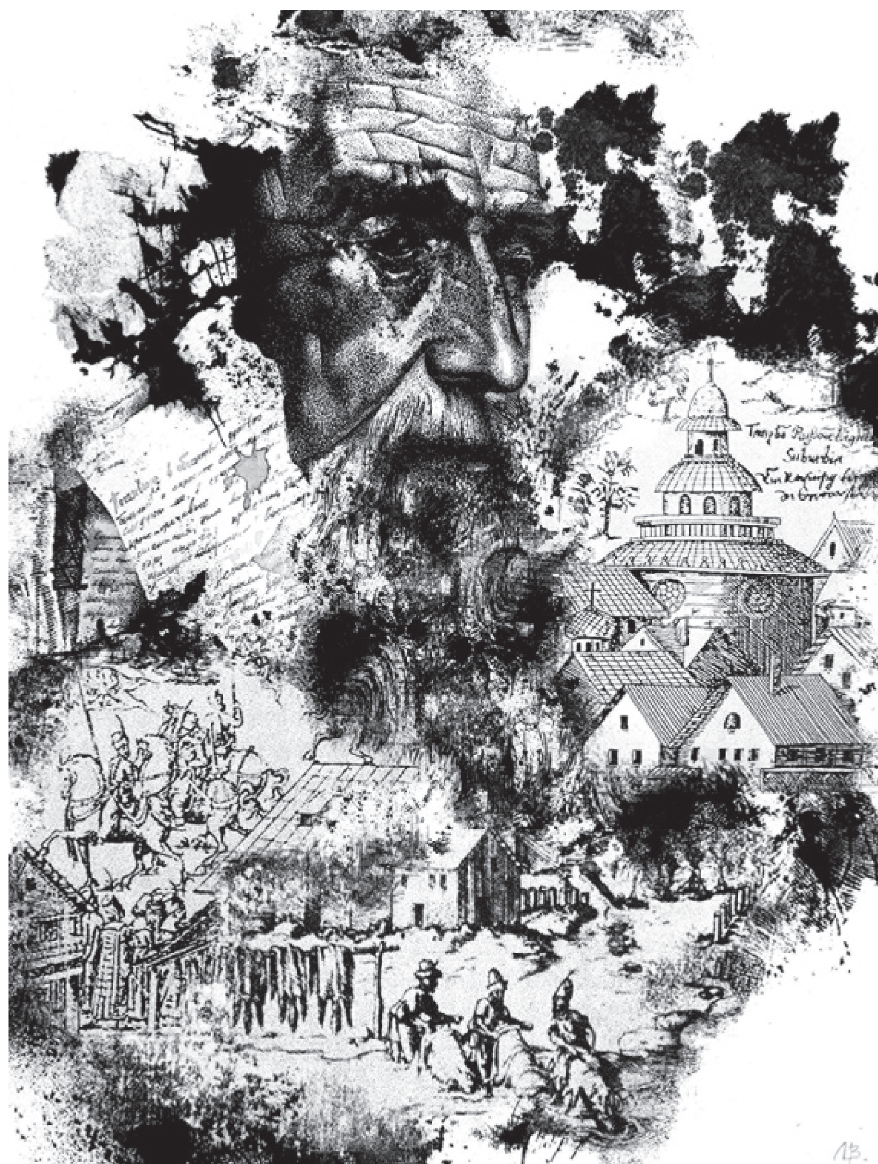
минуемого. Постепенно где силой оружия, где – уговорами и дипломатическими союзами он возвращает Великому княжеству единство. Он управлял страной почти пятьдесят лет. «На смену эпохи “героических дел”, – подводит итог историк, – приходит время созиданий, положившее начало культурному расцвету Великого княжества Литовского».

Гродненский повет, как и соседние Волковыск со Слонимом, оставался частью Трокского воеводства. Во главе повета стоял справца – наместник господарев, который подчинялся непосредственно великому князю. Одним из первых известных нам гродненских старост был Александр Юрьевич Гольшанский. Вначале его титуловали гродненским наместником, но уже позже появляется обращение capitaneus – староста. От последующих его отличало то, что за время своего правления он практически не увеличил свои личные владения в городе и его окрестностях.

К Гродно у великого князя сложилось особое отношение. Он часто бывал здесь, отправляясь на охоту. Тут умирает его сын королевич Казимир, позже причисленный к лику святых. Сюда же сам монарх приказал доставить себя, когда сильно заболел. Смерть Казимира Ягеллончика стала переломным моментом в жизни Гродно и всей страны. Гродненская экономия переходит во владение к Елене Ивановне, супруге нового правителя великого князя Александра и дочери московского князя Ивана III.

Весной 1495 года происходит изгнание евреев с территории Великого княжества Литовского. Как писал после сам Александр «казали ...з земли нашое вон выбити». Собственно еврейское население в стране не превышало трех тысяч человек. Позже историки пытались переложить ответственность за принятие этого решения то на монахов-доминиканцев, то на княжну Елену. Впрочем, этот конфликт имел для города совершенно неожиданные последствия. 11 июля 1496 года в день святого Бенедикта Гродно получил Магдебургское право. Вряд ли можно считать случайным совпадением, что всего лишь спустя год после изгнания из Гродно еврейского населения городу даруются особые права и свободы. Документ, написанный на латыни, долгое время хранился в гродненском магистрате. Великий князь позволял построить весы, коморы для воска и стрижки сукна, баню и ратушу. Кроме того, согласно привилею, город получал в полное владение три вольные корчмы, трижды в год мог проводить ярмарки и, к тому же, без уплаты мыта пользоваться переправами через Неман. Заодно горожанам достались освободившиеся после изгнания евреев земельные участки, выгон для скота, а чуть позже к этому добавилась и часть пущи. И именно в это время встречаются первые упоминания о настоятелях коложского храма: игуменах Калисте и Арсении.

Так в истории Гродно, собственно, появляются сами гродненцы...

Истинное изображение города Гродно
(1502–1568)

Даже Магдебургское право было не в состоянии компенсировать внезапное исчезновение наиболее экономически активной части населения города. Спустя всего семь лет гродненским евреям было позволено вернуться обратно. Вот только горожане зря времени не теряли и уже успели разрушить часть их домов вместе с синагогой и кладбищем.

Однако евреи оказались не единственными, кому пришлось восстанавливать свой храм. Похожие хлопоты ожидали уже следующего игумена Коложи Лукаша. Мы так и не знаем, что произошло с церковью на самом деле. Сохранилась история о том, будто ее разорило московское войско. Враг заполнил храм доверху землей, разобрав своды Коложи, и установил там пушки, чтобы обстреливать замок на противоположном холме. Правда, историки уверяют, что русские

в шестнадцатом столетии до Гродно ни разу не доходили. Зато можно с уверенностью сказать, что город оказался вовлечен в события, имевшие непосредственное отношение к руско-литовским войнам и по-своему даже изменившие ход истории! Но обо всём по порядку.

У гродненского старосты и великого маршалка литовского Яна Юрьевича Заберезинского был заклятый враг – князь Михаил Глинский. Что послужило причиной их вражды, сейчас сложно сказать. На протяжении нескольких лет они строят друг против друга козни, плетут заговоры. Дошло до того, что Ян Заберезинский почти открыто обвинил честолюбивого Глинского в причастности к смерти великого князя и короля Александра, которого, якобы, тот отравил! Взбешённый, князь потребовал суда, а когда это не удалось, взялся за оружие!

По одной из версий, он решился захватить Киев и объявить себя правителем Великого княжества Русского, для чего собирался заручиться поддержкой крымского хана. Во главе отряда в семьсот всадников Глинский тайно отправляется в Троки, чтобы схватить скрывавшегося там бывшего хана Золотой Орды и выдать его потом своему будущему союзнику Менгли-Гирею. Надо же так случиться, что по пути заговорщикам встретилась любовница Заберезинского, которая как раз возвращалась со свидания. Упустить такой шанс было нельзя. Судя по всему, план мести

родился внезапно. Устроив прямо на дороге «допрос с пристрастием», Михаил Глинский выяснил, что его злейший враг находится в Гродно, и тут же приказал повернуть коней!

Штурмом командовал ближайший соратник князя, немец Шлейниц. Согласно Стрыйковскому, Заберезинский был схвачен прямо в постели и тут же обезглавлен. «Был нашим мечом убит за то, что он со своими сообщниками хотел над нами учинить» – оправдывался позже князь. Дальнейшие события по-своему изменили историю всей Восточной Европы: неудачное восстание, очередной виток русско-литовских войн, штурм русскими войсками Смоленска, битва под Оршей и, наконец, появление на свет сына племянницы Михаила Глинского, вошедшего в историю под именем царя Ивана Грозного…

Нужно заметить, что с великокняжескими наместниками Гродно не очень везло. Так, следующий староста Станислав Кишек бросал мещан в замковую темницу («садил в казнь под мост»), забирал их земли, а его слуги всячески оскорбляли и избивали горожан. Сменивший его Юрий Радзивилл воспользовался тем, что великий князь Сигизмунд Старый нуждался в деньгах, чтобы продолжать изнурительную борьбу с Москвой, и вовсе выкупил у него староство. Хотя монарх и без того Гродно навещал достаточно редко. Возможно, причина крылась в том, что каждый раз, когда он сюда прибывал, его засыпали жалобами и просьбами. А вот его сын,

Сигизмунд Август, наоборот, неоднократно возвращался в Гродно. Тут часто проходят заседания литовского сейма, на которых порой принимались судьбоносные для всей страны решения.

Однако в действительности облик города изменила женщина. Пока монарх подтверждал старые привилеи и выдавал новые, его мать, вдовствующая королева Бона фактически взяла Гродно под свою опеку. Вначале она поставила войтом своего человека, а еще через несколько лет ей удалось выкупить Гродно из рук Радзивилла. После этого королева начинает административную реформу своих владений. Одновременно, недовольная тем, что город оставался в запустении, она приказывает магистрату срочно привести Гродно в порядок: замостить площадь и дороги, очистить колодец, отстроить дом вой-та. Город получил земские суды, ратушу с часами и водопровод. При ней перестраивается Фара Витовта и появляется литовская капелла, возводится королевский дворец на Городнице и костел Святого Духа с госпиталем. Кроме того, Бона дарит Гродно очередной привилей. С этого времени на городских печатях появляется олень с крестом между рогами, перепрыгивающий через плетеный паркан. Мы сегодня называем это изображение оленем святого Губерта.

Теперь Гродно часто встречается на страницах воспоминаний иностранных дипломатов и путешественников. Вот только

описания эти весьма различные. Кельнская энциклопедия «Civitates orbis terrarum» Г. Брауна включила Гродно в число «выдающихся городов мира». Александр Гваньини в своей «Хронике европейской Сарматии» лаконично описал его как «деревянный город и каменный замок на холме над рекой Неман». А вот путешественник Петр Раизий и вовсе посвятил ему строки, больше похожие на проклятие: «Прощай, Гродно, и пускай тебя поглотят твои реки...».

Каким же был город на самом деле? Согласно так называемому уволочному измерению – описи всех городских владений, в Гродно оказалось около семисот пляцев. Наряду с домами мещан появляются владения шляхты и магнатов, стремившихся расширить свои резиденции – юридики. Фактически именно с этого времени занеманский пасад, Занеманье, окончательно становится частью города. Среди гродненцев подавляющее большинство составляли потомки «русинов», литвины, евреи и поляки. Кроме того, в городе проживали пленные русские, немецкие и татарские поселенцы, занимавшие в основном территории вблизи города.

Летом 1567 года в Гродно на аудиенцию к великому князю и королю сошлись сразу несколько посольств: турецкое, татарское, валашское. А пока происходили торжественные встречи иноземных посланников при въезде в город, пока улицы и кварталы переполняли шумные толпы, за всем этим как бы свысо-

ка наблюдал один человек... Наверное, Ганс Адельгаузер ощущал себя кем-то вроде могущественного волшебника. Едва заметным движением карандаша он заставил замереть всадников, спешивших навстречу друг другу. Навсегда окаменели на противоположном берегу Немана прачки, водовозы, купцы, кожевники. Даже забавный голый карапуз, собиравшийся пуститься в погоню за петухом во дворе, остался на месте с поднятой в руке веткой. Застыли на листе бумаги, соединив ладони в рукопожатии, двое знатных вельмож, будто их оборвали на полуслове.

На глазах художника разворачиваются события, которым будет суждено переписать всю историю Европы. Вот дворный маршалок Остафий Волович в сопровождении торжественной свиты отправляется встречать посланников московского царя боярина Федора Колычева. Не так давно он сам побывал при дворе Ивана Грозного – отсюда это сердечное рукопожатие. Правда, сейчас идет кровопролитная война с Московским государством, которая стоила Польше и Великому княжеству Литовскому неимоверных жертв. Но, кажется, появилась призрачная надежда на короткую передышку. Спешившись, они приветствуют друг друга как старые добрые знакомые. За ними, не отрываясь, следит любопытная толпа. Где-то здесь наверняка и представители местной знати – гродненские хоружие Мицута и Кунцевич, городничий Ян Григорович, конюший Ян Хайко, маршалок

Ян Волович. Не исключено, что художник оставил нам точные портреты некоторых из них. Правда, сами переговоры с московской делегацией закончились ничем. Оказалось, что царь взамен за примирение потребовал Полоцк, Ливонию и беглого князя Курбского. Вскоре война вспыхнет с новой силой. В поисках спасения Великое княжество вновь обратится к Польше, и на карте Европы появится новое государство – Речь Посполитая. А тем временем другой немецкий художник из Нюренберга, Цюндт перенесет рисунок, сделанный Адельгаузером, на литографию под названием «Истинное изображение города Гродно».

Вот только повседневная жизнь Гродно была полна привычных радостей, забот и огорчений. Больше чем двадцать пять лет настоятелем Борисоглебского монастыря оставался архимандрит Иона. Правда не всегда ему приходилось решать лишь духовные вопросы. Так, например, он выучил некоего Афонаса «малярству, как сам умеючи», за что тот обязался служить учителю пять лет, но не сдержал обещание и ушел в услужение к одному из магнатов. Вызванный в суд, Афонас показал, что действительно учился у архимандрита, «леч не от него науку маю, и не мел есми ему служите так, яко отец архимандрит поведает». В итоге, однако, суд принял сторону священника. Позже архимандрит обратился в суд с жалобой на попа подскарбия земского Павла, который вместе с пья-

ной ватажкой вломался ночью в монастырь на Коложе. Смутьян выломал дверь в келью настоятеля, хватал того за грудки и «...надто еще хотел бити», но тому пришли на помощь «сторожи монастырские».

А еще спустя пятнадцать лет управление монастырем и вовсе было отдано светским лицам.

VERA DESIGNATIO VRBIS IN LITTAVIA GRODNÆ

Королевский дом
(1569–1634)

И вдруг прежняя, казалось бы, отлаженная жизнь словно дала сбой. Вначале имуществом коложского монастыря в Гродно владел протестант Павел Котович, который похитил из него все ценности. Сменивший его православный Семион Волович оказался, однако, не намного лучше. Сам монастырь он «уничтожил до конца», а церковное имущество раздал за долги и как приданое своим внебрачным дочерям.

Пришел в упадок и гродненский замок. Собственно, он чем-то напоминал саму страну, которая вместе с угасшей королевской династией вдруг потеряла свой курс. Стены местами обвалились и были заделаны частоколом. На земле валялись железные двери и «множество кирпича». Деревянная лестница в одну из башен и вовсе сгнила и «опала».

Резиденция гродненского старосты, должно быть, выглядела особенно жалко на фоне только что построенной по соседству каменной синагоги.

После смерти короля наступает безвластье. Гродненский староста, великий гетман Григорий Ходкевич спешит передать свое место сыну Александру, а еще через три года уже сам Александр Ходкевич на съезде в Мстибогове провозглашает великим князем литовским Стефана Батория, которому суждено было вдохнуть жизнь в руины старого замка.

Фактически новый монарх превращает Гродно на время во вторую столицу Речи Посполитой. Его, чужака в этой стране, тяготило чрезмерное внимание польской знати, которой он был окружен в Кракове. Кроме того, сыграла свою роль гродненская пуща, которая притягивала к себе взоры не одного правителя. Словно этого одного было мало, позже появилась легенда, будто в Гродно у короля появилась настоящая любовь, что только усилило его привязанность к городу. Фигура Стефана Батория затмила всех предшественников. Позже за городом даже закрепляется почетное звание «града Батория». Король подтвердил все прежние привилеи Гродно и дал новые. При нем перестраиваются замок и фарный костел, возводится великокняжеская резиденция – Domus Regiae. В Гродно Баторий готовится к очередной военной кампании и собирает сенат Речи

Посполитой, принимает московских и английских послов. Правда, одно из главных его начинаний – попытка открыть иезуитский коллегиум в Гродно, так и закончилось ничем. «Попытка не удалась, – пишет историк В. Левшук, – у короля не хватило времени, у ордена иезуитов – организационных ресурсов».

Но внезапно в конце 1586 года Стефан Баторий умирает. Не удивительно, что внезапная кончина монарха, да еще в самый разгар подготовки к новому походу, вызвала большие подозрения. Чтобы развеять все сомнения, через два дня с момента кончины Батория врачи – Симон Симонус и Николай Буцела – проводят анатомическое вскрытие тела короля. До сегодняшнего дня сохранились три главные версии причины смерти Батория: сердечный приступ, яд и болезнь почек. Правда, недоброжелатели настаивали, что он и вовсе скончался от... сифилиса. Не менее вероятно, однако, что короля убило его пагубное пристрастие к крепкому венгерскому вину! Не случайно после его кончины в подвалах гродненского замка оставалась пятьдесят одна бочка с этим напитком. Но прежде чем упокоится в Вавельском замке в Кракове, прах Батория еще полтора года находился под сводами перестроенной по его же приказу Фары Витовта.

Преемник Батория Сигизмунд III Ваза правил страной без малого сорок пять лет. При нем Гродно получил подтверждение

прежних и обзавелся новыми привилеями. Он предписал устроить в городе мостовую и взимать за нее с нагруженных возов пошлину, причем полученные средства должны были идти на поддержание в порядке самой мостовой. Монарх разрешил бургомистру устроить за свой счет рынок с тем, чтобы тот пользовался торговой пошлиной с привезенных товаров, а гродненским евреям указал заниматься исключительно содержанием кабаков – шинкарством. Монарх объявил гродненское староство собственностью короля. Новым старостой стал Ф. Скумин-Тышкевич. Гродно превращается в центр королевской экономии, весь доход от которой шел на нужды двора.

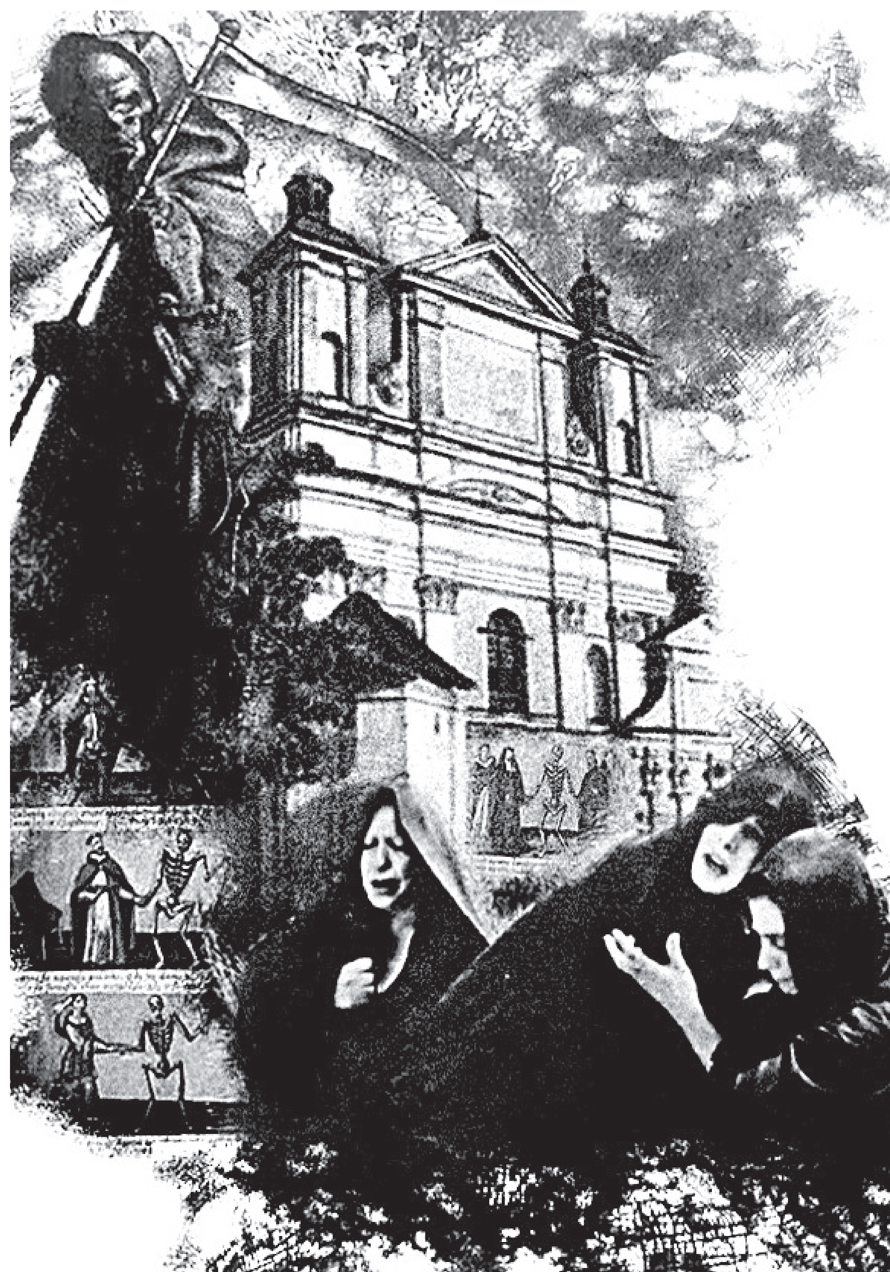
При Владиславе IV в Гродно вместе с контрреформацией пришли и католические ордена. Появляются три новых монастыря: доминиканский, бригиток и францисканцев. Тогда же в Гродно возвращаются иезуиты. Гродненский староста Станислав Кособуцкий, собираясь на войну с турками, завещал иезуитам свое имение рядом с городом. Но потребовалось еще несколько лет, прежде чем небольшая миссия из двух человек превратилась в школу...

В Гродно до сих пор сохранилась история про костел бернардинцев, построенный на деньги солдат, возвращавшихся из похода на Москву. Проходя через город, каждый из воинов, будто бы, пожертвовал на окончание храма «по талеру с конского копыта», а сам

гетман дал даже три тысячи. Как и в каждой настоящей легенде, здесь тоже за вымыслом скрываются реальные события. Дело в том, что во время войны со Швецией в окрестностях города организуется Гродненская конфедерация – своеобразный воинский союз, который состоял из солдат, служивших под командованием гетмана Яна Иеронима Ходкевича в Инфлянтах. За его плечами была не одна громкая победа, в том числе и в знаменитой битвой под Кирхгольмом! Однако, оказавшись без денег, солдаты выступили в гродненскую экономию и стали там ждать выплаты задержанных им по службе сумм. Только через два года, когда наступил окончательный расчет, содаты вернулись под командование Ходкевича. Вскоре, однако, история повторилась. Король Сигизмунд III Ваза так увлекся подготовкой своего московского похода, что вновь забыл о своей армии, воевавшей со шведами. На этот раз гетман объявил, что «будет со своими солдатами». И только когда казна рассчиталась с солдатами, конфедераты присоединились к армии под Смоленском. Можно только догадываться, не из этих ли сумм и были пожертвованы деньги на костел, как о том повествует легенда!

Еще при Сигизмунде Вазе игуменом Коложи становится бывший гродненский подстолий Богдан Годкинский. После смерти жены он ушел в монахи, приняв имя Климента. Новый архимандрит не жалел сил для вос-

становления храма. Он сумел одновременно получить разрешение от короля и благословение киевского митрополита на управление монастырем. Два года спустя, вернув часть ранее отобранных у Коложи владений, игумен сам приглашает королевских ревизоров, которые подтвердили все монастырские земли, чтобы впредь защитить их от притязаний кого-либо. Монастырь включал небольшую деревянную колокольню, сеновал, амбар, гумно и кладбище и, скорее всего, еще одну церковь – Святой Троицы. Рядом находились огороды и сад. Возможно также, что монастырь владел островом на Немане напротив храма. Как и большинство монастырей, коложский напоминал город в городе. И как в каждом городе, тут был свой уклад и свои обычаи...

Danse macabre

(1635–1692)

Хотя коложский игумен и подписался под актом Брестской унии, сами монахи долгое время оставались при старой вере. И только спустя четверть века Коложа перешла во владение униатского ордена базилиан. Чуть позже в храме появляется чудотворная икона с изображением Богородицы, которую, по преданию, сюда принес безымянный нищий, давший обет. Перед своей кончиной он оставил её в церкви, возле которой его и похоронили. Сама икона была написана на холсте, наклеенном на доску, и являлась копией виленской Одигитрии. Позже к ней был изготовлен серебряный с позолотой оклад, украшенный горным хрусталем и бисером, с двумя маленькими занавесками с розовой опушкой по бокам, а закрывалась она занавеской из красной тафты. Образ находился в церкви с левой стороны, у царских врат. Но даже чудотворная

икона оказалась не в силах защитить город от обрушившихся на него несчастий...

Накануне, словно предчувствуя приближение катастрофы, Франтишек Лекшицкий, духовник гродненских бригиток, пишет аллегорическую картину о бренности мира – «Танец смерти» – Danse macabre. На ней изображена смерть, которая танцует с людьми разных сословий и званий. Папа римский и император, король и кардинал, князь, сенатор, дама, евреи и турки, епископ и торговец, крестьянин – все они равны перед лицом смерти. В образе короля явно угадывается тогдашний властитель Речи Посполитой Ян Казимир, а в монахинях в коричнево-черных одеяниях – сами бригитки. Особенно колоритно получился шляхтич, который решительным жестом будто отгораживается от смерти. Гордый дворянин тщетно пытается отказаться от танца.

Следующее десятилетие в Гродно прошло в непрерывных войнах всех против всех и прервало стремительный взлет города. Еще осенью 1654 года король Ян Казимир почти сутки молился в гродненской Фаре о даровании победы над врагом, а всего через год Гродно занимает русская армия. Русский гарнизон во главе с воеводой Богданом Апреловым был сравнительно небольшим, но его поддержали шесть гродненских хоругвей во главе с князем Станиславом Масальским. Сам Масальский, пользуясь случаем, захватил себе всю королевскую экономию. Кроме того, часть местной шляхты обратилась за поддержкой к

шведскому королю. Не отставали и мещане, которые первым делом потребовали от новых властей лишить местных евреев их привилеев. Накануне часть гродненских евреев попыталась спастись бегством, отправившись на юг страны, но большинство из них погибли во время погрома под Кременем.

Однако по мере того, как продолжалась война, настроения начали меняться. «Русских солдат и драгунов в Гродно и в деревнях бьют, и саблями секут...» – доносил воевода царю. Поэтому, когда спустя три года к городу подошли части гетмана П. Сапеги, большинство представителей гродненской шляхты вспомнили про прежние клятвы и перешло на его сторону. Однако, несмотря на значительный перевес осаждавших, воевода Б. Апрелов решил обороняться. Русский гарнизон, оказавшийся в западне, тем не менее продержался год, прежде чем оставил замок. Правда, уже осенью 1659 года к Гродно вновь подходит русская армия во главе с воеводой П. Хованским. Гродненский комендант клялся, что скорее умрет, чем уступит город, но после короткой осады русские вновь занимают Гродно.

Через год, когда уже второй по счету русский гарнизон, наконец, сдался, город был до основания разорен и недосчитался почти половины жителей. Русские уничтожили большую часть костелов: Николаевский, Святой Троицы, Фару, Доминиканский. Был убит викарий гродненских бригиток, а самим монахиням пришлось выехать в Гданьск. Еще большие потери понесли гродненские уни-

аты, многие из которых были замучены до смерти. Не пережила войны великолепная ротонда Честнокрестной церкви на Подоле. Вероятно, именно тогда враг разобрал и своды Коложи, превратив церковь в крепость. Чудотворная икона Коложской Божьей матери была лишена драгоценностей, но все же уцелела, благодаря все тем же бригиткам, которые взяли её на сохранение.

Долгожданный мир так и не наступил. Всего спустя пять лет после войны город пережил еврейский погром. Следом гродненские мещане взбунтовались против старосты Андрея Котовича. Город несколько раз горел и еще долго пребывал в упадке. Как ни странно, но именно это обстоятельство отчасти послужило причиной, по которой провинциальный Гродно получил статус сеймового города и резиденции Его Королевской Милости. Такой чести не получила ни одна из столиц – Краков или Вильно, – и одновременно подтверждало популярный лозунг «Вольный с вольными, равный с равными». Правда, сами польские магнаты и шляхта приняли известие, мягко говоря, прохладно, тем более, что как раз накануне гродненский замок в который раз благополучно сгорел.

На восстановление замка было отпущено тридцать тысяч злотых, часть которых заложил великий канцлер и администратор гродненской экономии Крыштаф Пац. Кроме того, город освобождался от налогов и воинских постоев, чтобы дать, таким образом, горожанам шанс привести в порядок свои

убогие жилища «для выгоды прибывающих на будущий Сейм». Непосредственно строительством на замке руководил слонимский маршалок Иероним Песецкий, а сами работы длились почти шесть лет.

Первый сейм в Гродно начался в декабре 1678 года. Король до последнего сомневался, проводить его здесь или нет, так как в городе «ни замок докончены, ни город построенный». Судя по памятной доске, вмурованной в честь окончания работ, ремонт закончился буквально за несколько дней до открытия Сейма. Надпись на латыни гласила, что «этот замечательный Kapitol в Гродно из руин... и для принятия решений сейма в царствования наияснейших королей Михаила и Яна III воздвиг Крыштаф Пац... за средства казны Великого княжества Литовского, для Бога, короля, Отчизны и права...». Рядом были два герба: королевский и... Паца. Однако все усилия оказались напрасными. Еще до окончания заседания Сейма часть послов покинула Гродно, сославшись на невыносимые условия.

Не удивительно, что уже следующий из запланированных сеймов вместо Гродно прошёл в Вильне. Еще через три года король попробовал вновь созвать здесь сейм, но он был сорван ещё до того, как избрали его председателя (директора). Послам по-прежнему не хватало мест, и они были вынуждены ночевать по монастырям. Хуже всего пришлось купцам, которые прибыли сюда в надежде на легкий заработок, а вместо этого ютились в

подвалах городских камениц! Всё это только ещё сильней убедило представителей Короны, что Гродно не отвечает возложенной на него миссии. Литвины, однако, не собирались уступать. И когда начали распространяться слухи, что и следующий сейм, припадающий на территорию ВКЛ, пройдёт в Варшаве, они недвусмысленно заявили о своём несогласии. В результате король и вовсе отменил сейм...

Примерно в то же самое время в Гродно появляется ещё одна чудотворная икона. Её привезли из Рима доминиканцы. Позже она досталась шляхтичу Войтеху Жолеровскому, владельцу пригородного имения Кульбаки. Перед своей кончиной он подарил образ конгрегации студентов при иезуитской коллегии.

Старая скамья-лава внутри иезуитского костела – не просто часть интерьера. Это подлинное свидетельство чудес, связанных с хранящейся в храме иконы Божьей Матери Студенческой, и уникальная хроника жизни города. В шестнадцати рисунках, которыми украсили скамью, отображены сцены из истории святыни. Есть на скамье, например, сюжет, рассказывающий о чудесном явлении гетману Сапеге. Согласно легенде, однажды с иконы, которая уже тогда славилась своими чудесами, вор похитил серебряные украшения. Этой же ночью Казимиру Сапеге во сне явилась святая в лохмотьях! Проснувшись и узнав о случившемся, он был настолько потрясен, что решил пожертвовать святыне новый золотой оклад. На скамье как раз изо-

бражена спальня во дворце гетмана. Но, наверное, самым удивительным из чудес стало воскрешение умершего сына гродненского скарбника Яна Тыминского. И судя по картине, воскрес он прямо в храме...

Но у веры в чудеса есть и обратная сторона. Поэтому, когда вдруг по Гродно поползли слухи, что в Ратушу доставили чародея из пригородного Коханова на инквизицию, город замер, будто ожидая чего-то. Страшное по тем временам обвинение в колдовстве пало на подданого гродненских бригиток Максима Знака. Против него показал местный шинкарь Семён Юхальский с женой Агнешкой Бураковной на «околдование вышеупомянутых особ с детьми и целого дома» – так, по крайней мере, звучала запись в книге актов войтовского суда города Гродно. Сам Знак упорно утверждал, что «ничего более не понимает, а только умеет подуть, если у кого-то болит живот».

Суд приступил к дознанию. И тут отличился гродненский палач – хватило и одного раза, чтобы Знак признался, что бросил проклятие на шинок Юхальского: «плюнул и проклял теми словами, что, как слюна исчезла, так и они бы исчезли»! Более того! «Адчинить свои чары», то есть снять заклятие, сам колдун был не в силах. Вместо этого Знак выдал имена своих соучастников. В первую очередь, арендаторки вторго шинка – Польку Жидовку. Это она подослала ведьмака, «чтоб пана Юхальского заколдовал и так сделал, чтобы пиво скисло, и что-

бы сам высох, и жена его, и дети, и чтобы с дороги не свернул, дала ему битый таллер...» Взамен тот давал чародейские советы и поучал шинкарку секретной «похвалке», то есть – проклятию...

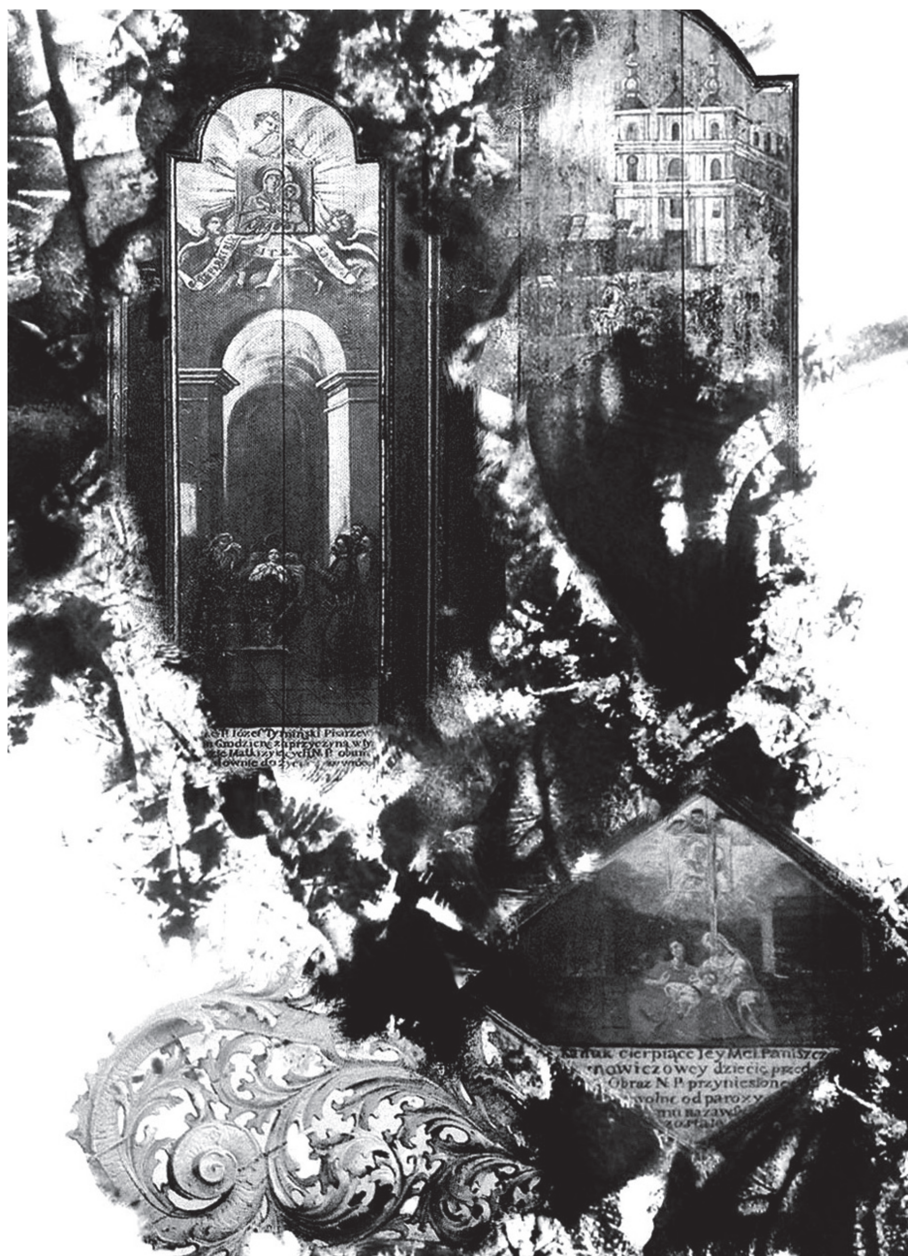
Стало понятно, что город оказался перед угрозой дьявольского заговора! Суд приказал продолжить пытки с целью раскрыть как можно большее количество колдунов. Ждать пришлось не долго. Уже во время первого допроса Знак рассказал про некого человека из Липска, который был в состоянии наслать на людей сухоту и заставить скиснуть пиво на расстоянии! Была ещё Буслава из Коханово, которая «умела малым детям вредить, от коров молоко отнять, вредить в шинках, а также имела способность летать»; Потейка из Путришек, который «передом и задом ходил и головой крутил»; «баба Пухнова из Каплиц», что делала отвар на травах; рыбак Романа; шляхтянка пани Судзицкая, которая «к дубу ходила и ножами долбила и в те дыры шептала», а всем жителям Коханова будто бы угрожала: «При мне в Коханове родило, а без меня ни овощи, ни урожай родить не будет»! Но самым страшным и опасным из всех оказался некий чародей Росол из Вертелишек (Вярцелисак) – «лучший и страшный чародей, так как умеет на детей болезни наводить, у коров молоко отобрать и в шинках вредить. Он имеет такие зелья, что перед каждым судом и властью любой из нечестного дела свободным выйдет».

Вторая и третья пытки Максима Знака прошли при «немалом народе», но ничего нового не открыли. Выдать остальных он соглашался только при условии, если будет схвачен сам Росол. По приказу суда чародей был связан и брошен в подземелье гродненской Ратуши. Но Гродно уже охватил ужас. Нашлись даже свидетели, которые собственными глазами видели самого Росола. Будто бы тот, появившись в городе, обошёл вокруг Ратуши, где был в заточении Знак, после чего сказал, обращаясь к присутствующим: «Ничего из этого не будет, пускай его даже испекут, ни в чём не признается». На этом месте актовые книги обрываются, а мы можем только догадываться, каким образом дальше развивались события и состоялись ли новые процессы, уже против тех, на кого показал под пытками Знак. Что касается самого чародея, то, согласно законом того времени, он, скорее всего, как человек, признавшийся в колдовстве, был заживо сожжён на костре...

Гродно сильно изменился. Заканчивается постройка костела бернардинцев, которая длилась без малого сто лет. Начинается строительство костела Святого Франциска Ксаверия или, как его еще называют, иезуитского, одного из самых больших католических костелов эпохи барокко в Речи Посполитой. Вот только одновременно с тем, как росли католические храмы, приходит в упадок коложский монастырь. Долгое время он оставался без аббата. Позже его настоятелями делаются люди не знатные, не имевшие возможности своим

личным влиянием и связями защитить обитель. При Митрофане Друцком-Соколинском «церковь стояла без окон и дверей и летом служила логовищем для скота». А сменивший его Иософат Огурцевич «не найдя в коложском монастыре даже кола, к которому, приехавши, мог бы привязать лошадь, жил в городе в частных домах».

Приближалось новое столетие...

cierpiące Jey Mci Pani
nowiczowey dziecię przed
Obraz N. P. przyniesione
wolne od paroxy
zostało

Счастливый город
(1693 – 1735)

Сто лет назад гродненский историк Д. Милютин писал : «Есть счастливые города, к которым приурочивается жизнь целого края, и они представительствуют за него даже и в таких случаях, когда история хранит против них лишь обличительные факты...»

В 1693 году в Гродно проходит очередное заседание Сейма. Французский консул накануне с горечью писал Людовику XIV, что нет худшего места на свете. По роковому стечению обстоятельств почти сразу после того, как и этот сейм фактически был сорван, посол умирает прямо в Гродно, так и не дождавшись аудиенции у польского короля. «Теперь он будет давать отчет своим начальникам на небесах,» – заметил по этому поводу в своем дневнике один из магнатов.

Можно подумать, что судьбы города и храма окончательно разошлись. Виленские ба-

зилиане, побывавшие во время проведения сейма в Гродно, сокрушались, что пока «по всему городу во всех храмах громко звучала похвала Господу», одна Коложа «пустая стояла». Правда, аббат Семен Огурцевич успел восстановить храм, но поручил работы местному еврею, чем вызвал общее недоумение. При следующем настоятеле церковь и вовсе стояла закрытой, а ключ от нее был «за полмили у одного человека»...

Сами гродненские мещане, пренебрегая благосостоянием города, селились за его пределами, вместо торговли занимаясь хлебопашеством. Зато в город подтягивается местная шляхта. Так, например, в соседних с Гродно Грандичах из почти восьмидесяти семей к шляхецкому сословию относилось только четыре. Вообще первоначально это было не одно, а два поселения – Грандичи и Манчин, расположенные вдоль небольшого ручья Лужайны. Дома обеих деревень находились рядом, но по разные стороны дороги. Самый первый из известных нам жителей этих мест – мещанин Григорий Гранда. В привилее короля Сигизмунда мы встречаем имя бургомистра Гродно Сымона Гранда. Собственно, и само название деревни могло произойти от рода Грандов.

4 января 1699 года, вечером, в корчме в Грандичах мирно ужинала здешняя знать: Козловские, Модзелевские, Барановские. Все они не поддержали решение выбрать королем Речи Посполитой Августа II Сильного. Из-за пурги в корчму зашли четыре саксон-

ских офицера и несколько польских шляхтичей, состоящих на службе Августа. Слово за слово – завязалась ссора и драка. Саксонцы и поляки были, видимо, потрезвее – они выбили превосходящую численностью местную шляхту из корчмы, легко ранив трех и серьёзно одного – Казимира Якубовича. Затем – едва не сожгли весь Мончин. Правда, через неделю драчуны помирились и «продолжили гулять».

Тем временем начинается новая война. Уже весной 1702 года по дороге из Прибалтики в Польшу в городе появился Карл XII. Впереди его армии шли хоругви Сапег, которые перешли на сторону шведского короля. Спустя еще три года в Гродно расположились на зимних квартирах главные силы уже русской армии – тридцатитысячный русский корпус фельдмаршала Георга фон Огильви. А вскоре сюда прибыли русский царь Пётр I и монарх Речи Посполитой саксонский курфюрст Август II.

А. Меньшиков так описал свои впечатления от города: «Лучшего места для расположения войск найти невозможно – неприступную крепость создала сама природа: она имеет с двух сторон ров превеликой, сзади – реку... Эта натуральная фортификация крепка и безопасна, и неприятель с нею ничего не поделает, кроме что себя изнурит...». Чтобы еще больше укрепить Гродно, русскими были возведены земляные брустверы, опоясавшие город с севера и востока. Бастионы, правда, не были закончены, когда в январе

1706 года после невероятного марша к городу вновь подошла шведская армия. Тогда в спешке солдаты соорудили поверх валов что-то наподобие баррикады, которую залили водой. При этом предместья самого Гродно, оставшиеся за чертой городских укреплений, были сожжены.

Карл XII так и не решился на штурм Гродно и приступил к его осаде. В комментарии к плану гродненских укреплений по этому поводу оставлена следующая запись: «Король шведский в 26 день генваря по новому стилю со своим войском после полудня окоп осматривал, но однако ж не посмел такое в удобном месте установленное войско атаковать. И когда их несколькими пушечными выстрелами подарили, то король шведский со своим войском к вечеру назад отошёл и с милю уступил, и больше ничего не испытывал». Однако уже ближе к весне стало понятно, что русский гарнизон обречен погибнуть, если и не от вражеского оружия, то от голода и болезней. К тому же оказалось, что в городе действует целая сеть шпионов из пленных, части наемников и местной шляхты. Возглавляла же заговор некая женщина, бывшая, будто бы, женой одного из солдат, до этого перешедших на сторону Карла XII. Среди прочего, она помогла проникнуть в город шведскому офицеру, который смог детально осмотреть гродненские укрепления. В результате Петр I отдает распоряжение своим войскам тайно покинуть город, отступив через Неман и уничтожив за собой все переправы. Из-за сильно-

го ледохода шведы не успели последовать за своим противником. Правда, россиянам пришлось пожертвовать обозом вместе со всей артиллерией. Всего в Немане было затоплено не менее полусотни пушек.

Но уже через год российский император посылает сюда специальный отряд с целью вернуть орудия. Однако поднять артиллерию оказалось гораздо сложнее, чем отправить ее на дно. Тем более, как вскоре выяснилось, часть пушек предприимчивые гродненцы уже извлекли сами и даже успели продать. С целью «выведать подлинно, в котором месте ...схоронена артиллерия» русские арестовали гродненского раввина и трех старшин, но так ничего и не узнали. Заодно, пользуясь случаем, князь Голицын взял в заложники по три священника с каждого гродненского монастыря и потребывал выкуп! Солдаты не отставали от своего командира и основательно опустошили аптеку и библиотеку иезуитов. В довершение ко всему, они выкрали из бурсы двух музыкантов, которых вместе с пушечным обозом вывезли в Москву.

Следующий раз русские и шведские полки сошлись в схватке уже на улицах Гродно. На этот раз в плен поочередно едва не попали российский император и шведский король! Вначале Карл XII стремительно ворвался в Гродно, опрокинув почти двухтысячный русский заслон, всего через несколько часов после того, как город покинул Петр I. Узнав о том, что шведов всего небольшой отряд, царь приказал войскам вернуться. И теперь уже

пришлось отступить Карлу XII. Причем, в этот раз на помощь шведам пришли сами гродненцы. Правда, отбившись от русских, шведы взломали погреба иезуитского коллегиума и «перепились насмерть». Вот только, покинув Гродно, шведский король через Лиду двинулся на Сморгонь – дорогой, которая приведет его к Полтаве.

Тем временем Август II вновь попытался увильнуть от обязанности проводить сейм в Гродно, но это ему не удалось. В итоге в 1718 году депутаты съезжаются в город. Здесь они под угрозой народного ополчения потребовали от царя Петра вывести войска за границы Речи Посполитой. Правда, сам сейм едва не был сорван из-за интриг царского посла Долгорукого. Позже монарху Речи Посполитой пришлось еще дважды собирать сейм в Гродно. Но в самом городе по этому поводу было много разногласий. Гродненский магистрат обращается к монарху с жалобой на то, что местные евреи весьма мало внимания обращают на посполитые права и конституции, занимаются спекуляцией и «портят цены», обмеривают и обвешивают, назначают свои цены на спиртные напитки и продают их по своей мере, укрывают у себя беспаспортных, не уплачивают городские повинности, не мостят улицы, не дают отстроить ратушу. Евреи, в свою очередь, жаловались на гродненских мещан, которые нарушали их права. В итоге Август II даже потребовал у гродненского кагала лишить двух местных раввинов их

звания за жалобы против старосты Григория Котовича.

«Всего только несколько лет Гродно прожило в покое, – пишет Ю. Йодковский. – Уже в 1733 году русские под командованием генерала де Ласси, разбитые конфедератами, нищие и голодные, врываются в город». Де Ласси вскоре передал свои полномочия полковнику Военкову, который безжалостно разграбил город и окрестности. Следом под звуки пушечной пальбы в Гродно вошел генерал Измайлов, который «вышел» только четыре года спустя.

В итоге войн, эпидемий, пожаров город вновь опустел. Превратились в руины укрепления на Замковой горе. По воспоминаниям английского посла, они выглядели, как «груда мусора». Особенно пострадал замок: двери, окна и полы были выломаны, потолок рухнул, и даже часть стены обвалилась в Неман. Осталась только каменная таблица Паца с золотыми буквами и две жестяные звезды над опавшей крышей.

Коложе едва удалось избежать подобной судьбы. В конце концов представители гродненской шляхты Григорий Котович и Сигизмунт Валь даже получили инструкцию изыскать на очередном сейме средства, чтобы восстановить храм, который стоял на тот момент «опустошённый и в результате подмывания Неманом склонен к окончательному разрушению». Очередной настоятель Иосафат Яхимович «задумал было соорудить на горе, возле гумна, новый каменный мона-

стырь и церковь и эту постройку предполагал назвать ... Сионом. Но ему помешали, и много заготовленного уже кирпича отнято было у него по приказанию митрополита». Вполне возможно, что если бы у аббата получилось построить новую церковь, Коложе суждено было исчезнуть. Вместо этого, не найдя понимания в своих благих начинаниях, настоятель совершенно перестает заботиться о судьбе старого храма. В самом Гродно на этот момент осталось чуть меньше... двадцати униатов.

IN NOMINE DOMINI AMEN
STANISLAUS
AUGUSTUS
STANISLAW
AUGUST

Несколько лет покоя
(1736–1763)

Гродненский архимандрит Игнатий Кульчинский так начинает свой «Инвентарь Гродненского Коложского базилианского монастыря» : «Коложская церковь стоит на высокой горе над Неманом. Песчаная гора с давних пор начала осыпаться и теперь осыпается, от чего самой церкви грозит опасность. В предотвращение этой опасности я велел построить у подошвы горы забор, привалил его навозом, а также велел посадить тут же разные деревья».

О новом аббате известно не много. Родился он в окрестностях Гродно, молодость провел в Риме, в изучении богословских трудов и церковной истории. Став архимандритом Коложского монастыря, доктор богословия И. Кульчинский первым делом взялся за ремонт храма. Именно тогда у Коложи поя-

вилась высокая, крытая гонтом крыша, с характерными небольшими куполами, которые украшали позолоченные железные кресты с медными лучами. А когда церковь была восстановлена, Кульчинский берется за хронику Коложи, чтобы сохранить для потомков имена предыдущих духовных и светских «протекторов» гродненского монастыря.

Тем временем на противоположном берегу Городничанки, почти напротив храма, начинается грандиозное строительство королевской резиденции, которую теперь принято называть Новым замком. С этим замком связана одна гродненская легенда. Это история о чудовище с младенцем, что застыли над въездными воротами. Не существует единой, если можно так выразиться, канонической версии. Кто-то рассказывает о монстре, похищавшем по ночам несчастных младенцев, но окаменевшем, когда один ребенок чудесным образом удержал его до восхода солнца. Учителя истории обычно выбирают сюжет, согласно которому в облике каменного изваяния представлена Бона Сфорца, та самая королева-отравительница, подарившая Гродно его герб. Кому-то еще в детстве довелось слышать рассказ о некой жестокой матери, решившей избавиться от своих детей. Одного за другим она бросала их в темные воды реки, поэтому изображена с лапами львицы, как настоящий хищник. Но последний из сыновей оказался проворней остальных и сам утопил ее в водах Немана.

Даже удивительно, на что способна человеческая фантазия. Это благодаря ей сфинксы

и амуры на воротах королевского замка вдруг прератились в кровожадных чудовищ! Куда интересней возвращать утраченный смысл, скрытый в древних символах. Сфинкс — вечно бодрствующий страж с головой человека и туловищем льва, сочетание ума и силы. Легенда говорит о древнем проклятии, которое падет на смертного, потревожившего покой сфинкса. Что символизируют амуры, кажется, объяснять не нужно. Время от времени сфинксы за свою службу требуют жертву. Правда, амур, оседлавший строптивое чудовище, знает, как его усмирить: он заплетает ему в волосы венок из роз.

Статуй две. На одной, чей лик так похож на короля Августа III, работа уже закончена. Второй наездник спешит, чтобы успеть украсить изваяние с лицом королевы Марии Жозефины. Может быть, сходство с монархами –всего лишь видимость, а может, и нет. Ведь это они, последние представители саксонской династии на троне Речи Посполитой, вдохнули жизнь в Новый замок, наполнив его надеждой и роскошью.

В своем дневнике путешествия на гродненский сейм пастор Вильгельм Шлеммюллер оставил описание одного из королевских завтраков в замке, на котором ему посчастливилось присутствовать: «Возле длинного и достаточно узкого стола сидело тридцать шесть персон. Первые места занимали король и королева, по бокам у которых сидели их сыновья – принцы Ксаверий и Кароль. Среди других знатных особ я узнал епископа, двух гетманов – Радзивилла и Масальского, канц-

леров Чарторыйского и Сапегу, графов Бруля и Флеминга, которые занимали первые места вместе со знатными дамами. Кубки, миски, тарелки, а также ложки, ножи и вилки были серебряными, а посередине стола стояла огромная чудесная серебряная ваза, верх которой украшали четыре орла с распростертыми крыльями. Скатерти и салфетки весьма нежные и красивые. Внесли два блюда по сорок мисок и более... После возле тарелок убрали и поставили все новое, и каждый поднявший бокал, обращался к королю и королеве, после возвращался на свое место и это повторялось несколько раз за время завтрака. За здоровье короля и королевы каждый из собеседников пил стоя, под звуки труб и барабанов и трехразовые выстрелы из орудий. Под самый конец принесли сахарное мороженое в чудесных хрустальных вазочках в виде волшебного сада, какие заполнили весь стол... Королева сияла от драгоценных камней, которые украшали её голову, груди и руки. Оба они (с королем) часто смеялись и разговаривали. Гостей развлекали шуты, три королевские и один – Радзивилловский... Что касается Гродно, – замечал путешественник, – то если там и впредь будут проходить сеймы, без сомнения он будет расти и улучшаться и со временем займет первое место среди литовских городов».

И действительно, почти одновременно с вновь посторооенным замком в городе появляется десяток шляхетских и магнатских резиденций: дворцы князей Радзивиллов, Сангушек, Масальских. Высший городской

пост – гродненского старосты – за все время правления Августа III занимали представители рода Масальских. Правда, вся гродненская элита оказалась поделенной на враждующие группировки, которые боролись за влияние. Временами противостояние между ними превращалось в открытые стычки. Так, во время проведения одного из сеймиков столкнулись сторонники Радзивиллов и Тызенгаузов. Один из свидетелей так описывал эти события: «После того, как урядник закричал: “Бей! Бей!” – сразу началось убивство, сеча, стрельба, раза три со стороны Хрептовича стреляли, спасаясь; двоих в той заварухе убили, а двоих в лицо подстрелили... Самого ж Хрептовича шляхта бы зарубила, если б подстароста Тызенгауз его не спас; вместо этого его сухими ружьями по-тирански избили, давши разов сто, и в канцелярию завели... Другие, – заканчивал автор, – аж до Немана с горы утекали и если б не ночь, наверное, не убереглись...»

Осенью 1752 года Станислав Август Понятовский, которому тогда едва минуло двадцать лет, был избран депутатом на сейм и первый раз отправился в Гродно. «Надобно представить себе эту якобы вторую столицу,– вспоминал он на закате своих лет этот свой визит, – где кроме королевского дворца было всего навсего два каменных дома; все остальные были деревянные, на вид очень ветхие и убогие; но их внутреннее убранство претендовало на известную роскошь, которая поражала еще более потому, что рядом были явные следы варварства и обнищания. Ни одна

гродненская дама не могла себе представить сколько-нибудь приличного существования без огромнейшей, богато отделанной галунами постели, в то время как стены в комнатах не были ничем оклеены. У одной шляхтянки, которая хотела перещеголять других, в двух комнатах стояли две громадные кровати: из них одна под балдахином, обтянутым дорогой парчой. Эта особа была предметом всеобщей зависти в Гродно. Но в этих деревянных особняках или скорее лачугах жили прехорошенькие женщины; их мужья были гостеприимны, и у них в доме ежедневно танцевали...». Каким, видимо, было бы удивление будущего монраха, узнай он в ту минуту о роли, отведенной Гродно в его судьбе...

Отец Игнатий Кульчинский оставался аббатом базилиан на Коложе вплоть до своей смерти в 1747 году. Возможно, он был погребен в самом храме, недалеко от алтаря.

Следующие почти тридцать лет коложским аббатом был Самуил Яновский. Храм прожил все это время в тени Гродно или, точнее, Городницы.

А что же сфинксы? В их взгляде сохранился каждый, кого они видели хоть раз: низринутый монарх, который отрекся от престола, и строптивый школяр из школы кадетов; умирающий на носилках от холеры солдат и партийный чиновник, занявший королевские чертоги. Сфинксы всё помнят, но молчат...

STANISLAUS AUGUSTUS
STANISLAW AUGUST

В тени Цереры

(1764–1779)

Когда дворец Тызенгауза на Городнице превратился в груду развалин, один из гродненцев так вспоминал о нем: «Задумчивый, серьезный, гордый своим прошлым...» Впрочем, во внешнем убранстве здания имелась одна важная деталь, о которой вспоминают гораздо реже. В самом центре главного фасада на куполе над входом во дворец возносилась скульптура древнеримской богини Цереры. Как выглядела скульптура – неизвестно. Обычно Цереру изображали прекрасной матроной с фруктами в руках. Вероятно, такой она изображалась и на куполе дворца. Хотя, возможно, в руках статуи были два факела: один означал разум, второй – эмоции. Судя по всему, выбор фигуры был глубоко продуман и, скорее всего, принадлежал самому А. Тызенгаузу. Мы же можем только догадываться, насколь-

ко вызывающе выглядело языческое божество в городе величественных христианских храмов...

«Деспот по характеру, недостаточно знакомый с предметом своих занятий, он считал себя очень умным и принципиально не читал книг...» – так охарактеризовал гродненского старосту и литовского подскарбия Антония Тызенгауза один из историков. Фактически гродненский староста загорелся мыслью построить «идеальный» город на незастроенных землях королевского фольварка Городница. Без преувеличения можно сказать, что Городница расцвела на деньги, выкачанные из королевских экономий Великого княжества Литовского. Сам Гродно только-только начинал приходить в себя от очередного разрушительного пожара. Как бы там ни было, но именно этому человеку суждено было сыграть исключительную роль в судьбе города!

В который раз, обращаясь к прошлому этого квартала, удивляешься грандиозности замыслов его отцов-основателей. Это была попытка совершенно в духе собственной эпохи – одним махом разрубить гордиев узел проблем, связавших по рукам и ногам Речь Посполитую. В то время, о котором идёт речь, внешнеторговый баланс страны катастрофически ухудшался – из-за границы в страну ввозили в разы больше, чем экспортировали. Причём покупали всё – от сукна до булавок. С целью противостоять оттоку ка-

питалов правительство несколько раз принимало закон против роскоши – не помогло. Тут-то и родилась идея, которую сегодня можно пересказать словами известной всем рекламы: «Купляй сваё»!

В Литве не было хорошего пива – не беда! А. Тызенгауз выписал из Чехии пивоваров и солодовников, построил заводы, доставил все нужное оборудование и дал своих крестьян для обучения их пивоварению. Для своей «золотой» фабрики А. Тызенгауз пригласил «какого-то обанкротившегося ювелира, несмотря на то, что работа последнего не имела ничего общего с производством данной фабрики». Во главе шелковой мануфактуры встал Винцент де Пиней, которого современники наделяли «недюжим умом и прилежанием», доработавший до самого упадка «империи Тызенгауза».

Мощности суконной мастерской под началом директора Сланна доходили до сорока станков. Здесь трудились немецкие мастера. В каретной мастерской работали два француза, голландец и два итальянца. Чулочная мануфакутура француза Дэя специализировалась, главным образом, на шёлковых чулках; кружевная мануфактура производила очень дорогие сорта кружев, даже из серебра и золота...

Сам подскарбий при этом формально оставался только «полномочным администратором», собственником же предприятий

являлся... король Станислав Август! Освобождая мануфактуры от уплаты таможенных пошлин, король не преминул упомянуть: «Предприняв устройство некоторых мануфактур в Великом княжестве Литовском и затратив на это значительные средства Наши, мы желали бы, чтобы польза их для народного блага была как можно больше...» По этой причине, как, впрочем, и чисто из-за экономической выгоды, А. Тызенгауз намеревался со временем заменить большинство иностранцев собственными мастеровыми – отсюда такое количество образовательных учреждений на Городнице. «Как только мальчик чему-нибудь научится, – писал граф к неизвестному адресату, – сейчас же давать ему более ответственную работу и, если будет возможно, заменить иностранного мастера».

Рабочий день на королевских мануфактурах длился тринадцать с половиной часов шесть дней в неделю. Хотя, как отмечает историк И. Гибянский, договор с А. Тызенгаузом каждый из мастеров формально мог расторгнуть в любой момент, на самом деле это было далеко не так. И когда, например, управляющий конторой Ян Бекю был больше не в состоянии терпеть оскорбления со стороны подскарбия, ему оставалось только одно – бежать из Городницы в Варшаву! Если рабочий не справлялся со своими обязанностями, от него избавлялись совершенно без его согласия: «Должен быть уволен и заме-

нён, как только найдётся лучший», – гласил вердикт. Ещё хуже, если услуги мастера оказывались на мануфактурах незаменимыми! Несчастный Люис Францоис, прибывший по контракту на год с тем, чтобы соорудить цилиндр и станки для выделки поясов, едва-едва вырвался из Городницы через два года, и то лишь после заступничества короля...

Ради чего же европейские мастера соглашались ехать в такую даль? Ответ простой – деньги. О том, что сам подскарбий не очень церемонился со своими рабочими, также хорошо известно: «Ругательства и угрозы по отношению к подчинённым, – пишет И. Гибянский, – встречались на каждом шагу». В конце концов дело дошло до того, что дюжина мастеров из Германии обратились к А. Тызенгаузу с письменным протестом после того, как он приказал избить до полусмерти мастера-немца Иосифа Морбитцера. Того сперва пропустили сквозь строй палок из орехового дерева, а после отдали в руки четырём преступникам из числа местных заключённых. Причём, вина немца была «не особенно велика».

Самой незавидной на Городнице являлась участь учеников. Был даже составлен особый проект «генерального полицейского порядка для колонии честных иностранных мануфактуристов и фабрикантов в Гродно». Отдельным пунктом в нём значилось: «В случае, если скарбовый мальчик, отданный в нау-

ку, окажется непослушным, сварливым, ленивым, распутным (hultaj), и ругань мастера не окажет влияние – последний имеет право иногда и побить его, однако с таким расчётом, чтобы мальчика не сделать калекой и неспособным к дальнейшей работе». Далее уточнялось: «Если мастер сам не пожелает бить мальчика, пусть он уведомит Славную Контору, которая тогда сама разделается с ним».

Но Городница – это не только мануфактуры. В 1776 году выходит «Gazeta Grodzenska», которую издавал доверенный секретарь подскарбия. В этом же году контракт с А. Тызенгаузом подписал Жан Эммануэль Жилибер. Французского учёного и врача, профессора Лионского College de Medecine привели в Гродно свойственные эпохе Просвещения романтизм и финансовые проблемы. Здесь, на краю Европы, он собирался создать свой идеальный мир, построенный по самым современным канонам, взамен за 125 луидоров ежегодного жалования и квартиру с отоплением и освещением.

Всего за пять лет он успел заложить в Гродно ботанический сад, основал две школы (лекарственную и ветеринарную) и медицинскую академию. Темпы работ Ж. Жилибера поражают. Сразу после прибытия на Городницу он провёл разбивку участка вблизи здания будущей медицинской академии. Сам сад состоял фактически из домика садовника с двумя оранжереями и какого-то количества грядок и маточника для саженцев. Там вы-

ращивались привозные семена из Австрии, Англии, Германии, хотя использавались и саженцы из лучших магнатских парков Великого княжества Литовского, оранжерей Санкт-Петербурга и Варшавы. При этом из более чем двух тысяч растений многие должны были не только украшать клумбы, но и выполняли чисто прикладные функции, пополняя аптечные запасы и становясь сырьем для мануфактур. Через год, когда в Гродно прибыл король Станислав Август Понятовский, первым, что он посетил, был именно ботанический сад. Король остался весьма доволен...

Станислав Понятовский, как и сам Антоний Тызенгауз, был страстным поклонником лошадей. А потому раньше театра и медицинской школы на новом месте возникли администраторская каретная на тридцать экипажей, конюшня администратора на девяносто лошадей, конюшня вице-администратора таких же размеров и школа верховой езды – манеж. Это был комплекс хозяйственных построек, непосредственно примыкающих к административному центру и замыкающий с северо-запада весь архитектурный ансамбль.

Непреходящий характер носила любовь А.Тызенгауза к музыке и театру. Со временем на Городнице был создан собственный музыкальный коллектив, который насчитывал около тридцати музыкантов. Капелла исполняла произведения от опер до костельной музыки, выступая одинаково часто как

на театральных подмостках, так и во время званых обедов. В основном в состав капеллы входили поляки и иностранцы, работавшие по контракту. Руководили оркестром преимущественно иностранцы. В одном из своих писем подскарбий пишет: «Поступают ко мне обширные донесения, что среди музыкантов большинство только на бумаге exercitium (другими словами – работают), и хватает среди них типичных бродяг...» В конце А. Тызенгауз просил неизвестного адресата: «Предупредите ... что если музыка обходится мне так дорого, то я уж точно не гультаев хочу видеть у себя..!»

Наверное, лучше всего атмосферу, царившую в дворцовых залах при Тызенгаузе, передаёт посетивший Гродно английский путешественник Вильям Кокс. И хотя сам город показался ему «невероятной смесью несчастных халуп, полуразрушенных зданий и руин дворцов с пышными воротами», англичанин не жалел тёплых слов в адрес местных аристократов. Граф убеждал англичанина ещё на какое-то время остаться в городе, а некоторые из «представителей гродненской компании» даже пытались задержать его, приказав... работникам, которые ремонтировали экипаж, работать как можно медленнее. «И хотя мы заметили эти шаги, – пишет англичанин, – тем не менее, сделали вид, будто ничего не было. Однако, чтобы не причинять никому неудобства, мы решили выехать ночью, никого об этом не извещая...». Последний факт

представляется особенно красноречивым, если речь идёт о нравах эпохи и тонкостях придворного этикета!

Порой даже удивляешься этому калейдоскопу имён, титулов, званий, будто все они – участники какого-то таинственного, непрекращающегося карнавала. Визит в 1780 году в Гродно императора Священной Римской империи Иосифа II, или, как его ещё называют историки, Иосифа Австрийского, был для города значимым событием, однако после себя особого следа не оставил. Реформатор, яркий представитель эпохи просвещённого абсолютизма, этот император просто не мог не откликнуться на приглашение по дороге из России заглянуть на Городницу, чтобы своими глазами увидеть плоды проводимых здесь реформ. Нам не известны все обстоятельства его пребывания в городе, но бросается в глаза поразительное сходство между судьбой монарха и некоронованного правителя Литвы – Антония Тызенгауза. Уже в ближайшие годы император попробует вдохнуть жизнь в старый, дряхлеющий на глазах мир. И так же, как гродненскому старосте, большинство его начинаний принесли самому реформатору только новые испытания.

Как это часто бывает, обстоятельства оказались сильнее самых смелых планов. «Причинами падения Тызенгауза, – подводит итог И. Гибянский, – являлись интриги, зависть и темнота, не позволявшая понять и

оценить его грандиозных замыслов, а причиной упадка предприятий – личные качества подскарбия, вернее, его недостатки». Эпоха просвещенного деспотизма, детищем которого была и Городница, постепенно клонилась к закату...

Для Бога, Короля, Отчизны и Права…

(1780–1794)

Собственно, ждать развязки оставалось совсем недолго. Король, шокированный размерами понесённых убытков, решает отстранить А. Тызенгауза и передает все в руки его злейшего врага надворного маршала Францишка Ржевуского. «Посланный Ржевуским варшавский подкоморий Валентий Соболевский, – написал о падении Тызенгауза историк Мариан Брандыс, – ворвался в Городницу, взял Тызенгауза под стражу, изъял у него бумаги, занял фабрики и наложил секвестр на личное имущество подскарбия. Тызенгаузу с одной палкой в руке удалось спрятаться в бывшей иезуитской коллегии в Гродно, оставив все недругам…». «Вот и запустение. Вот и нет у тебя Городницы», – словно подвел черту Станислав Сташиц.

В это время великим литовским подскарбием становится племянник польского короля Станислав Понятовский. Понятовский открыто подтрунивал над опальным фаворитом, который «истратил миллионы на домища о шести этажах», и считал, что еще хорошо, если «из всей этой блажи одни стены получились». Главной задачей нового гродненского старосты стало проведение очередного сейма, которому вновь выпало заседать в Гродно! «Королю, – замечает Мариан Брандыс, – было нужно согласие литовских магнатов на уплату его личных долгов из государственной казны, потому он хотел купить их исключительным великолепием всей сессии».

Желая воскресить «дух Ягеллонов», он вначале организует для депутатов сейма грандиозную охоту на зубров в Беловежской пуще, откуда все направляются в Гродно. В своих воспоминаниях князь Станислав не скупился на похвалу: «Гродненский сейм был, возможно, последним в Европе проявлением истинно народного величия без ложной мишуры и пускания пыли в глаза». Историки куда более сдержаны в оценке: «Столь восхваляемый князем сейм был при всем великолепии внешних реквизитов зрелищем довольно постыдным, сеймом абсолютного бессилия. Он не решил ни одного важного вопроса, поскольку этого не допустили послы разделивших Польшу стран. Все происходившее там вместе с содержанием зачитанных министерских отчетов складывается в мрач-

ную картину чрезвычайно далеко зашедшего ограничения политической суверенности, при полнейшем обнищании казны и административном развале».

По иронии судьбы следующим гродненским старостой становится Кароль Хрептович, тот самый, который двадцать лет назад во время сеймика едва спасся от слуг Тызенгауза. Возвращаясь после долгого изгнания, вместе с собой он привез в город подаренные ему самим римским папой мощи Святого Клеменса, который считается заступником Гродно (сегодня эта реликвия хранится в костеле Благовещенья Девы Марии – «бригитском», а бывший дворец Хрептовича – это всем хорошо известный Музей истории религии). Примерно тогда же в Гродно рассматривалось дело раввина Лазаря Вержболовского, которого обвинили в ритуальном убийстве местной христианской девочки. В результате несчастный был публично четвертован на городском рынке, а части его тела выставлены перед въездом в город для устрашения. Правда, самими евреями он был позднее отнесен к лику святых. А еще несколько лет спустя Станислав Август Понятовский именной грамотой пожаловал евангелистско-лютеранской общине трактир, позже перестроенный в кирху.

За годы правления последнего польского короля меняется не только сам город, но и царившие там нравы. Мемуарист Ян Охотский оставил нам описание дома своего знакомого, где «кровати были подобны на ложа Перик-

ла, все столы – на столы Цицерона, кресла – на курульские сидения, шторы – на занавес Аспазии, а сами комнаты были меблированы, словно у самых знатных особ...». «За столом, – пишет Охотский, – приоткрылась и тайна, откуда хватало на это всё денег». Оказывается, с ведома мужа его супруга стала любовницей русского сановника Цицианова, который потратил на неё около тридцати тысяч рублей, кои она вместе с мужем и вложили в драгоценности и дорогую мебель. Мемуарист с нескрываемым восхищением описывает саму прекрасную Франусю, которую повстречал на «редуте» – балу: «Ножки у неё были босыми, а на всех пальцах ног украшенные драгоценными каменьями перстни... На ней не было рубашки, только платье из какой-то очень лёгкой ткани, поднятое на правой ноге гирляндой выше колена, груди полностью открыты и обнажены». И так были одеты или, как саркастически отмечает Я. Охотский, «раздеты», большинство из присутствовавших дам.

Тем временем в истории страны, как и самого города, приближались роковые события. Принятая накануне сеймом конституция Речи Посполитой окончательно расколола страну, а сама «якобинская крамола» стала открытым вызовом для российской императрицы. В ответ наиболее консервативная часть магнатов объявила так называемую Торговицкую конфедерацию, которая тут же обратилась за помощью к России. Словно по сигналу четыре русские колонны перешли

границу Великого княжества Литовского. Они должны были объединиться в Гродно и уже оттуда нанести удар прямо по Варшаве.

Тем временем город начинает готовиться к обороне. Из лесничих гродненской экономии был сформирован отряд для ведения партизанской войны. Капитан инженерного корпуса Михаил Сокольницкий начинает строить укрепления: одни – на правом берегу Немана, для главных сил, другие – на левом, для резерва и продовольственных складов, над которыми трудились все жители города и соседних деревень. Но настоящим шедевром инженерной мысли стал построенный М. Сокольницким мост через Неман, который имел дугообразную форму! Но, что самое интересное, инженер подсмотрел «идею» гуляя на руинах Коложи и наблюдая, как огромная балка держится, перегнувшись, на каменной колонне...

Однако русская армия не спешила выступать. Тем более, что в это время в Вильне противники Конституции провозгласили «Акт конфедерации» – присоединение ВКЛ к Торговице. В результате литовская армия в спешке покидает Гродно без боя. В соседних Крынках русские разъезды нашли брошенные полковые литавры и несколько штандаров. Вскоре и партизаны, узнав, что король перешел на сторону конфедерации, разошлись по домам. Русские полки двинулись дальше на Варшаву, а в городе остался небольшой гарнизон – одна пушка и тридцать гусар, командовал которыми Барклай де Толли...

Начинается «пир во время чумы». В Гродно собираются представители знатных магнатских родов – Потоцкие, Коссаковские, Ржевусские, Сапеги. В день коронации российской императрицы гетман Коссаковский устраивает торжественный прием с иллюминацией. Активным сторонником русской партии выступил бывший подскарбий литовский Антоний Дзеконский.

Весной 1793 года начинается подготовка к очередному сейму, который должен был подтвердить очередной раздел страны. Одним из авторов второго раздела Польши стал назначенный российским послом в Варшаве Яков Сиверс. Сиверса вполне по праву можно назвать одним из наиболее ярких деятелей екатерининской эпохи. Еще юношей дядя определил его в коллегию иностранных дел, где он служил при русском посольстве в Копенгагене и Лондоне. Во время Семилетней войны молодой Я. Сиверс успел поучаствовать в наиболее значительных сражениях и «понюхать пороху» прежде, чем полностью отдаться служебной карьере. Вскоре он был назначен новгородским губернатором и сыскал славу, как сейчас бы сказали, «крепкого хозяйственника». Но широко известным имя Сиверса стало во время гродненского сейма.

Решение относительно места проведения будущего сейма принимала, видимо, сама Екатерина II. Она писала послу: «Вы знаете мотивы, заставившие меня предпочесть Гродно Варшаве для сцены, которая должна произойти...». Самым трудным, однако, оказалось

уговорить Станислава Понятовского снова отправиться в Литву. «Он еще много говорил мне о разных предметах, – передавал позднее свой разговор с монархом за обедом Я. Сиверс, – ...и наконец признался в своей боязни, что его с помощью какого-нибудь постыдного насилия заставят подписать новый раздел Польши. Я усердно уверял его, что никакого насилия не будет причинено ни ему, ни кому-либо другому – это слишком противоречило бы образу мыслей моей государыни...».

Я. Сиверс отправляется в Гродно. В качестве резиденции российский посол выбрал для себя дворец А. Дзеконского на Городнице, который был услужливо передан хозяином высокому гостю. Сам Сиверс расположился на втором этаже, подвальный этаж был занят хозяйскими помещениями, а третий этаж, восемнадцать комнат, отведен для чиновников посольства. Ранее сюда были отправлены вина и прочие припасы для угощения послов. Единственное, чего недоставало послу, был... «портрет ея величества с соответствующим балдахином», который он и распорядился себе доставить. Я. Сиверс и дальше продолжал действовать решительно, не останавливаясь ни перед подкупом, ни даже перед арестом наиболее радикальных послов. При этом, однако, он старался завоевать симпатии части местной знати. На католическую Пасху российский посол даже отправился на службу в бывший иезуитский костел, где подхватил насморк...

Однако, вопреки всем ожиданиям, послы проявили неожиданное упрямство. Сейм, получивший позже название «молчаливого», стал одним из самых бурных в истории Речи Посполитой и вместо двух недель, как ожидалось, продолжался с 17 июня по 24 ноября 1793 года. И хотя наиболее упорное сопротивление оказало только двадцать депутатов из ста сорока, но и этого хватило, чтобы сорвать первоначальные планы Сиверса и прусского посла Бухгольца. Целый месяц потребовался для того, чтобы сейм признал условия «вечного мира» Речи Посполитой с Россией, однако вынудить принять притязания Пруссии так и не получилось.

«Сейм, – пишет Вл. Реймонт, – ежедневно представлял собой поле сражения между кучкой самоотверженных героев и целой вереницей колеблющихся, недальновидных и продажных, поддерживаемых могущественной коалицией беззастенчивой наглости соседних держав... Беспрестанно произносились громовые речи, протесты, шли голосования. Беспрестанно вспыхивали споры, затяжные переговоры, длительные церемонии извинений перед поминутно оскорбляемым королевским величеством, завершаемые всеобщим целованием королевской руки, – только бы оттянуть хоть на один день, только бы этим сопротивлением разбудить совесть и криками отчаяния встряхнуть спящих». Кроме прочего, русский посол, до этого проявлявший чудеса дипломатии в общении с

депутатами, вдруг значительно поостыл в своей деятельности, что не преминуло тут же сказаться на заседаниях сейма. Тем более, что из Варшавы поступали самые тревожные донесения.

Прусский посланник негодовал, но поделать ничего не мог. Однако вскоре подобное положение перестало устраивать и самого Я. Сиверса. Ситуация грозила вот-вот вырваться из-под контроля. Кульминацией стало заседание 23 сентября 1793 года. После того, как послы в очередной раз отвергли выдвинутый ультиматум с требованием принять прусские претензии, Сиверс прибег к крайнему средству: Новый замок окружили пушки, рядом с которыми были поставлены канониры с зажженными фитилями, самих депутатов заперли в зале. Но даже и тогда споры длились до глубокой ночи, после чего вдруг в зале наступила гнетущая тишина. Так прошло еще несколько часов. Наконец, когда уже должны были войти русские гренадеры, маршал сейма Белинский трижды обратился к депутатам, согласны ли они подписать трактат с Пруссией. В ответ не прозвучало ни слова. И тогда краковский депутат Юзеф Анквич проговорил слова, решившие судьбу страны: «Молчание есть знак согласия!» Собственно, на этом все и закончилось.

Неожиданно гродненский сейм вызвал настоящую бурю. Русский генерал Павел Цицианов писал позднее, что он в Гродно «стоял с полком, как на ножах». И когда из Варша-

вы пришли известия о вспыхнувшем восстании, генерал выступает не мешкая, выбрав такое местоположение, чтоб «держать город в страхе...». Местом этим оказалась... Городница. Именно здесь происходит совещание, на котором российское командование должно было решить, как поступить с городом. В то время, как часть офицеров выступали за то, чтобы разрушить Гродно до основания, другие склонялись к тому, чтобы ограничиться денежной контрибуцией. И всё это время город жил в буквальном смысле под жерлами нацеленных на него пушек...

Всё решил голос П. Цицианова, который, по одной из версий, даже пригрозил «снять с себя генеральскую ленту и пешком уйти в Москву», если от него всё же станут требовать уничтожить город. «...По небеспечности, правда, – писал он в рапорте, – обложил я город и взял контрибуцию ...в наказание, потому что все письма и все печатные известия описывали злое намерение сего города против наших войск». Всего Гродно заплатил за своё «чудесное избавление» около 130 тысяч польских злотых, огромную по тем временам сумму, треть которой, правда, до казны так и не дошла, видимо, бесследно растворившись в карманах самих военных.

Злые языки поговаривали, что таким образом Цицианов постарался компенсировать собственные издержки, понесённые несколько ранее, когда он ухаживал за той самой красавицей Франусей. Кроме самой

контрибуции город и его окрестности были, как водится, опустошены войсками, так что в центре Гродно даже возник импровизированный рынок, где солдаты продавали всем желающим часть своей добычи. Вскоре российская армия отступает к Новогрудку.

Гродненский повет формально поддержал восстание. Под декларацией стояли подписи бургомистра города Тадеуша Клаве, его секретаря, фактически управлявшего Гродно, Казимира Абрамовича, вице-президента Якова Рафановича. Власть перешла в руки так называемой порядковой комиссии во главе с племянником гродненского старосты Иохимом Хрептовичем, якобинцем. Уже через десять дней, стоя на своеобразной трибуне из навоза, он выступил на рынке с пламенной речью. Вот только такого патриотического подъема, как в Вильне и других городах, в Гродно не наблюдалось. Правда, гродненцы едва не предали самосуду Михала Огинского, схваченного при попытке перейти границу с Пруссией, обвинив его в предательстве. «Без публичных торжеств, – пишет Андрей Волтановский, – тихо и скромно 29-30 сентября прошел неожиданный визит в Гродно Костюшки. ...Покидая город, начальник восстания раздал перстни с девизом «Отчизна своему защитнику» заслуженным офицерам литовской армии». А еще через несколько дней в Гродно вернулась русская армия.

Управлять отошедшими к России землями было поручено князю Николаю Репни-

ну. Кроме того, ему было уготовлено стать стражником короля Станислава Августа Понятовского, которого императрица постановила «водворить» на жительство в Гродно. По иронии судьбы, именно Репнин тридцать лет назад возвел на польский престол незнатного шляхтича герба Ciołek.

«Позорные оковы» и «парижское дурачество»
(1795–1813)

Тем временем новым гродненским аббатом стал Матей Корн (фон Зегерд Корн), который оставался на этой должности следующие двадцать лет. Он начинает и постепенно приводит в порядок хозяйство, отстраивает новый деревянный монастырь рядом с церковью. Юридика отцов базилиан, кроме самого монастыря, включала двор Гордялковских, корчму и около сорока домов на так называемом Подгорье над рекой Городничанкой, заселенной в основном местными рыбаками. Вместо обычного чинша коложанские рыбаки были обязаны доставлять «с каждого челна полмиски доброй рыбы на монастырский стол каждую неделю...»

Отсюда, с Коложи, можно было наблюдать, как в Новый замок прибыл король со своей многочисленной свитой. Монарха сопровождали: обер-шталмейстер, шталмейстер,

квартирмейстер, смотритель королевского дворца, главный эконом, главный доктор, два камергера, четыре адъютанта, один майор и один капитан, десять секретарей, из которых два ведали дипломатической частью, один финансовой, один в качестве милостынераздавателя, один в звании докладчика и пять без определённого назначения. Привезены были в Гродно ещё четыре пажа, два камердинера, главный кухмистр, главный буфетчик, парикмахер, два кондитера, мундшенк, главная прачка, четыре камер-лакея, один фурьер, один скороход, один егерь, шесть лакеев, шесть гайдуков, шесть полотёров, шесть кучеров, семь писарей и ещё около восьмидесяти слуг низших рангов.

Повседневный образ жизни короля в Гродно можно считать очень правильным: вставал он в восемь часов; обедал в час или два, ужинал не всегда и ложился спать в одиннадцать часов и никак не позже двенадцати. Два раза в неделю князь Репнин навещал Станислава Августа и при этом очень часто у него обедал. Свободное время в стенах дворца король употреблял на чтение и письмо и любил играть в бильярд. С наступлением весны он стал разъезжать по окрестностям Гродно и, кажется, не оставил вокруг города ни одного места, где бы не побывал.

Время от времени король и князь обменивались «дружескими» визитами. Так, монарх лично посетил дворец на Городнице. После часовой беседы с Репниным Понятовский «вышел из кабинета и ходил по всем

комнатам дворца ... Рассматривал галереи и манеж, а после вернулся в замок...» Другой раз король ездил в Понемунь вместе с Репниным, где они «наблюдали за еврейской свадьбой», а когда графиня Мнишек пригласила к себе на кофе чету Репниных, их приняли на площади, украшенной саженцами, взятыми из гродненской оранжереи.

Здесь же, во дворце, Станислав Август Понятовский подписал своё отречение от престола. Он специально выбрал для этого день Святой Катерины, чтобы подчеркнуть лишний раз отношение к российской императрице.

В начале 1796 года в в Гродно начала работу прусско-российская демаркационная комиссия. Во время ее заседаний немецкая сторона потребовала провести будущую границу по левому берегу Немана! На самом деле, левобережный Гродно – Фортштадт – разительно отличался от самого города. Если еще в середине XVI века источники упоминали только одного еврея – Абрама Тудица, который «давно тут жил», то теперь евреи составляли две трети всех местных жителей. Тут даже была построена своя, деревянная синагога. В результате в специальном мемориале прусские дипломаты заявили, что их правительство отказывается от занеманского предместья, желая сохранить добрые отношения с Россией. На это российские дипломаты ответили, что «прусский король не может отказаться от предместья, так как он все равно не имеет на него права». В конце концов дело реши-

лось личной перепиской между Н. Репниным и прусским императором...

В одночасье Гродно вновь стал пограничным городом, что определило его уклад на следующие несколько веков. Правда, вместе с таможней возникли и определенные сложности. «Гражданская пограничная таможенная стража, – доносил рапорт на имя военного министра, – не может быть надежна, потому что большая часть чиновников из здешнего края, которые имеют связи со всеми помещиками, и казаки, ежели б и были исправны, что они и суть, всегда подвержены, по крайней мере, обману...»

Но главною своею обузою и причиной всех проблем Н. Репнин по-прежнему считал польского монарха: «Король с рук нейдёт! – писал он, – опять на его содержание денег не прислали... Уповал, хотя кости свои заживо отсель вывезти, но и ту надежду теряю». «Король мой оставляется здесь неподвижным, а я здесь с ним, как в тюрьме, держусь». Со временем послания становились всё более трагичными: «Бога ради, заберите отсюда короля, я с большой радостью избавлюсь от этого сокровища»; и, наконец: «Заберите скорее короля с моих рук, а потом и меня отсюда вытяните»!

Только почти через год Н. Репнин наконец покидает опостылевший город, а чуть позже из Гродно выехал и король. Присягу новому императору Павлу вместо Репнина в Гродно устраивал уже граф Безбородко. «Что касается Гродна, – замечает Д. Милютин, – то он бы-

стро опустел, и золотой дождь, пролившийся на него, ...мало принёс пользы здешней предприимчивости». На какое-то время вся местная жизнь замерла, и даже стало казаться, что вся блестящая история самого города уже в прошлом. На некоторое время Гродно был низведен до степени уездного города.

Но тут в который раз фортуна сменила своё настроение, и о Гродно вновь вспомнили. 1 января 1802 года в полночь в бывшем дворце Тызенгауза состоялось первое заседание гродненского губернского правления. Первым гродненским губернатором был назначен действительный статский советник Дмитрий Кошелев. Один из современников охарактеризовал его так: «...Человек умный, скор на распоряжения, к тому же писал мастерски...» Будучи первым официальным правителем губернии, он должен был заложить основы нового порядка. Но проходит чуть больше года, и Дмитрий Родионович указом Александра I внезапно отзывается в Санкт-Петербург «к другим делам». Изнанку дела раскрывает историк Е. Орловский, который сообщает, что первый гродненский губернатор «был уволен за явное пособничество контрабанде»! Более того. Сотник Алексеев, обличивший его вину, оказался отравлен «заинтересованными лицами», что, впрочем, совершенно не отразилось на дальнейшей блестящей карьере Кошелева.

Преемником Кошелева был назначен тайный советник Василий Ланской, возглавлявший губернию почти десять лет. Это под его непосредственным руководством Фара

Витовта превратилась в православный храм (кстати, бывший гродненский губернатор позже являлся председателем комиссии по строительству Исакиевского собора). В конце концов, Ланской дотянулся до поста управляющего Министерством внутренних дел Российской империи, хотя всё те же современники о нём отзывались не лестно: «...Казался быть более призраком министра, чем настоящим министром».

Город пребывает в ожидании новой войны: местная администрация охотится за шпионами, а молодые польские патриоты бегут через границу, чтобы записаться в армию Наполеона. Гродно заполнили российские войска, раненые российские солдаты и французские военнопленные, многочисленные обозы и склады. А накануне 1812 года здесь квартировал корпус атамана Матвея Платова, в состав которого, помимо донских казаков, входили башкиры и калмыки...

Фактически одно из первых сражений уже новой кампании тоже происходит здесь. После изнурительного марша войска правого крыла наполеоновской армии попытались с ходу ворваться в Гродно. ...Наполеоновскими войсками командовали генералы Аликс де Во и Каминьский. Они кинули в бой польских уланов, которые с ходу овладели Занеманским предместьем, а затем при поддержке пехоты попытались захватить и мост через Неман. В ходе перестрелки гродненский мост был сожжен, что сдержало натиск наполеоновских войск. В бою погиб прапорщик грод-

ненского гарнизонного батальона Ившин. При этом поляки потеряли три человека, а казаки — пятнадцать.

28 июня 1812 года в Гродно вступили уланы князя И. Понятовского, племянника последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, а еще через два дня сюда прибыл вестфальский король и брат Наполеона – Жером Бонапарт. Но тут вдруг оказалось, что Гродно по-прежнему таит в себе роковые чары, которые когда-то так поразили последнего монарха Речи Посполитой. «На весы истории, – пишет С. Донских, – был брошен никем не учтенный фактор – красота гродненских девушек. Вестфальский король ...был еще молодым человеком и большим ценителем женщин. Ему было всего 28 лет, выглядел он максимум на 25 и был весьма хорош собой. Королем он стал только благодаря своему брату Наполеону и желал получить максимум удовольствия от новой королевской жизни. Жером Бонапарт разместился во дворце вице-губернатора Максимовича (старый корпус облисполкома по ул. Ожешко). Здесь шли непрерывные праздники и балы».

«Танцы и вино, – продолжает историк, – занимали все время Жерома Бонапарта в Гродно. 3 июля 1812 г. он получил выговор от брата и приказ немедленно наступать. Но только 4 июля вестфальский король смог оторваться от гродненских красавиц. Багратион к этому времени был уже далеко...» Возможно, что эти четыре дня королевских танцев с гродненскими красавицами не толь-

ко спасли от окружения армию Багратиона, но и, в каком-то смысле, предрешили исход самой войны... С отступлением русской армии город вновь охватило чувство польского патриотизма. 4 июля 1812 года шляхта гродненского повета дает присягу генеральной варшавской конфедерации. За подписью гродненского маршалка конфедерации Панцержинского было издано обращение к жителям города. «Сорваны позорные оковы, которые мучили нас восемнадцать лет, – говорилось в нём, – пора уже, чтобы мы пробудились от того летаргического сна, в который были мы обращены тиранией и насилием нашего захватчика...»

К концу 1812 года в городе оставался австрийский гарнизон из числа Великой армии. Но стоило рядом с Гродно появится авангарду отряда Дениса Давыдова, как австрийцы тут же пошли на переговоры. В конце концов они согласились сдать Гродно со всеми запасами. 9 декабря Давыдов торжественно въехал в Гродно... под еврейским балдахином, сопровождаемый восторженными приветствиями гродненских евреев. После этого он на площади сошел с коня и приказал ударить в полицейские барабаны, созывая остальную часть жителей. Когда, наконец, все собрались, Д. Давыдов выступил с короткой торжественной речью: «...Я вошел сюда посредством мирного договора; мог то же сделать силою оружия... Один выстрел – и горе всему городу! Невинные погибнут с виноватыми... Все – в прах и в пепел!». После чего

приказал польским жителям Гродно... облачиться в черное платье в знак траура!

В этот раз русским пришлось сражаться не столько за сам город, сколько за расположение его жителей. «Прекрасные патриотки, мнимые любительницы отечества, – описывал в своем письме Федор Глинка встречу на балу с этим «неприятелем», – сначала очень неласково смотрели на пригожих победителей своих – русских офицеров. Они хотели казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными воздыхательницами о потере ее; хотели плакать... но заиграли мазурку — и все пустились кружиться. Кажется, польским женщинам менее всего должно бояться покорения: их ловкость, ум и прекрасные глаза издавна доставляли им победы над сердцами мужчин. Жаль, однако, очень жаль, что и польки поработились парижским дурачеством!» Правда, одними балами дело не закончилось. Спустя несколько месяцев в Гродно «в присутствии военных и многих зрителей» по конфирмации генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова были повешены два брата Доминские, вся вина которых заключалась в произношении «зловредных и возмутительных слухов...»

Почти сразу, как только Гродно вошёл в состав Российской империи, начали разрабатываться планы по строительству новых укреплений. Согласно им, весь город следовало превратить в крепость. На месте Старого и Нового замков должны были располагаться

артиллерийские батареи, францисканский монастырь планировалось приспособить для защиты переправы, а на правом берегу Городничанки – на месте Коложи выстроить Цитадель. По сути, Коложа, а вместе с ней и Гродно чудом избежали судьбы, позже постигшей Брест.

Благоразумные действия
(1814–1838)

Следующий настоятель Коложи доктор теологии и философии Базилий Полонский был послан в духовную коллегию в Петербург и управлял монастырем уже оттуда.

Тем временем бремя послевоенного устройства края легло на плечи присланного сюда из витебской губернии Карла Лешерна. Был он весьма образованным для своего времени человеком; знал немецкий и французский языки, арифметику, геометрию, артиллерию, географию и историю. Правда, К. Лешерн не только занимался восстановлением губернии и обеспечением российской армии продовольствием, но и принимал участие в конфискации имений лиц, воевавших на стороне Франции, а также осуществлял контроль над условиями содержания военнопленных.

В последнее десятилетие правления императора Александра I российская политика в

западных губерниях по отношению к местной аристократии заметно смягчилась. Одним из последствий проявления подобного либерализма стало то, что большинство из назначенных в этот период гродненских губернаторов были поляками, да к тому же ещё и масонами! Одним из первых на этом поприще был Ксаверий Друцкий-Любецкий.

Как раз в это время, накануне Пасхи, в полицию обратился мещанин Адамович, который заявил об исчезновении дочери Марианны. Вскоре возле города был обнаружен её труп. Тело ребенка оказалось исколото во многих местах, одежда изорвана, правая рука вырезана из локтевого сустава. Подозрение пало на соседа Адамовича Шалома Лапина, который и был арестован. Во время обыска у него обнаружили молоток и копьецо, подходящие для убийства.

Страсти постепенно накалялись. Был даже арестован член городского кагала, а тем временем местная власть явно попустительствовала подобного рода настроениям. Дело дошло до самого Петербурга. В конце концов всем губернаторам Западного края был разослан правительственный циркуляр с тем, чтоб впредь «евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик, по одному предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови». Князю Друцкому-Любецкому было сделано высочайшее замечание за ведение судебного разбирательства по «кровавому навету».

Меньше года руководил губернией Станислав Францевич Урсын-Немцевич. Но даже за столь короткое время он сумел заслужить такую искреннюю любовь своих подначаленных, что местным дворянским съездом было вынесено решение преподнести губернатору подарок в сумме... 24 тысяч рублей по той причине, что его собственные расходы на общественные нужды «не отвечают доходам его имений». Сменивший его Михал Бутовт-Андржейкович, сын гродненского писаря, бывший майор кавалерии польских войск и участник восстания Костюшко, был уволен со службы в отставку в связи с обвинениями в финансовых злоупотреблениях. При нем же в гродненских документах впервые встречается упоминание о... борделях.

Михаил Бобятинский начинал свою карьеру в Гродно с должности коллежского регистратора. На посту губернатора ему пришлось пережить выступление декабристов, крестьянские бунты и, наконец, дождаться новой русско-польской войны! Губернатор дал ход целому ряду проектов, плоды коих достались уже другим: создание здравницы в Друскениках, организация публичной библиотеки и прочие. После очередного восстания М. Бобятинский, сам поляк, за «благоразумные действия по поддержанию порядка в губернии» был произведен в тайные советники, хотя прежнего доверия уже не имел. «Губернатор, – писал императору Николаю I командующий русской армией

Дибич, – производит впечатление умного, но также и очень хитрого человека...»

Очередным гродненским губернатором стал Михаил Муравьёв. Будущий «людоед», как назвал его Герцен, начинал свою карьеру отнюдь не на военном поприще. В возрасте всего... тринадцати лет он поступил в Московский университет на физико-математический факультет! В шестнадцать лет участвовал в Бородинском сражении и был ранен ядром в ногу. Позже М. Муравьёв был арестован по делу декабристов, но был оправдан по всем статьям. Уже вскоре новый губернатор стяжал себе репутацию «истинно русского человека», беспощадного истребителя крамолы.

Широко известна история о том, как Муравьёв, узнав, что один из местных жителей спросил у кого-то из чиновников, не является ли новый губернатор родственником тому самому Муравьёву, который был повешен, Муравьёв вскипел гневом и сказал: «Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьёвых, что были повешены, а из тех, которые вешают»! Фраза, брошенная в сердцах, уже очень скоро приобрела зловещий смысл.

Среди его свершений – казнь командира партизанского отряда Михала Воловича и закрытие доминиканской гимназии, которую переделали в... тюрьму (правда, совсем без гимназии город оставаться не мог, и ещё через три года она была вновь открыта, но уже без отцов-доминиканов). Что касается М. Воловича, то к нему даже проявили некоторое

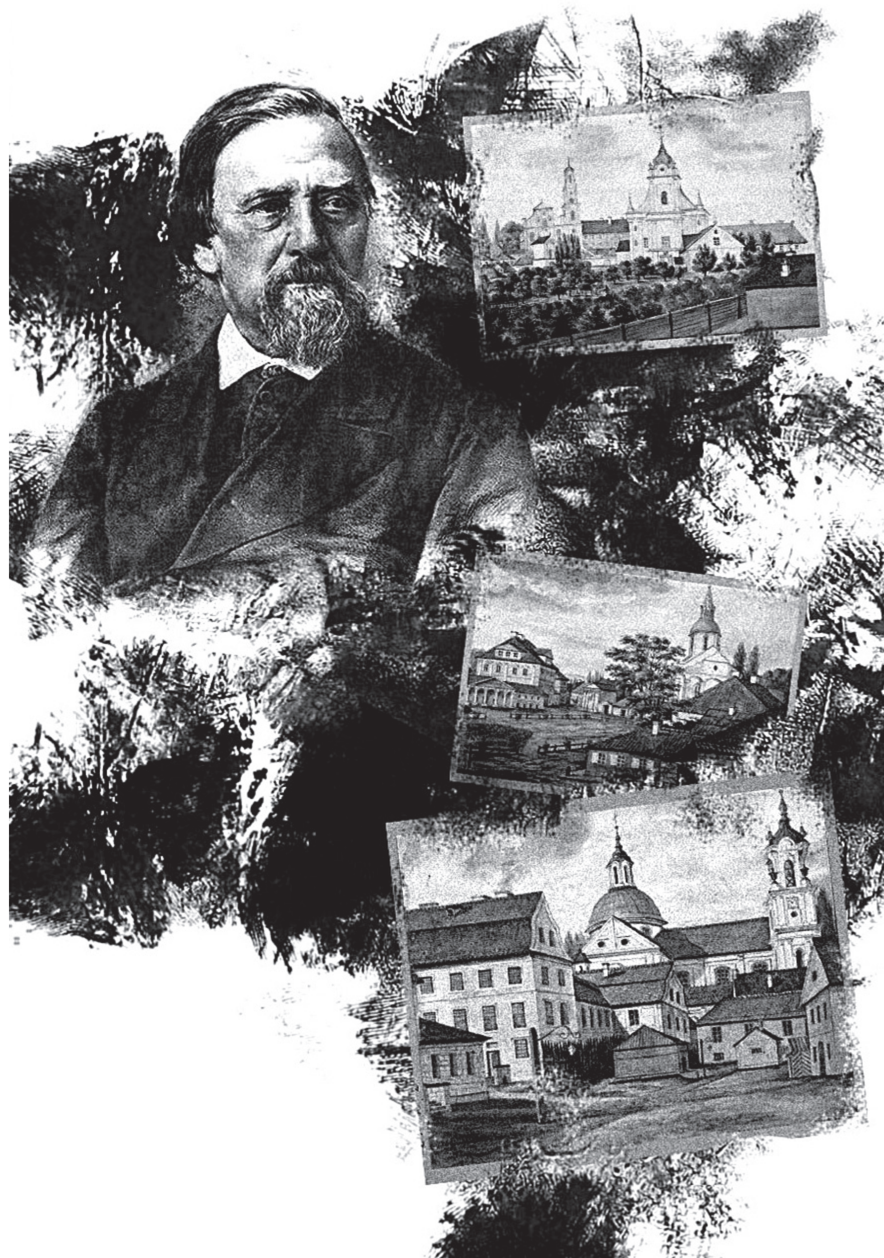
«снисхождение»: вместо четвертования, колесования и восьми тысяч шпицрутенов, как следовало из приговора полевого суда, его публично повесили возле пороховых складов за скидельской заставой.

Справедливости ради следует отметить, что управление «бунтующей» губернией было сопряжено со смертельной опасностью. Известно, например, что польский эмиссар Шиманский несколько раз пытался убить губернатора. В конце концов инсургент был схвачен под мостом через Городничанку рядом с дворцом Тызенгауза с кинжалом и пистолетом, где он ожидал проезда губернатора...

После М. Муравьева губернатором Гродно был назначен Никифор Коптев, спустя год перешедший на службу в министерство внутренних дел. Боле шести лет губернией управлял Григорий Доппельмайер, выходец из дворян Рязанской губернии. Его путь наверх, прошёл, главным образом, через канцелярии и министерские архивы. Так он дослужился до чина коллежского асессора и должности курляндского губернского прокурора. Получив назначение на должность гродненского губернатора, Доппельмайер «явил многие благие начинания». Не случайно в Друскениках источник №1 с большим содержанием солей в своё время был назван «Доппельмайерским». Среди прочего, Доппельмайер содействовал изучению и сохранению костей мамонта, найденных при обвале берега реки Лососянки, открытию при гимназии при-

родоведческого кабинета. При нём начали выходить «Гродненские губернские ведомости». Правда, тот же Доппельмайер успешно организовывал взыскание податей, за что неоднократно получал от императора благодарность.

Как раз в это время в жизни Коложи происходят важные перемены.

Отложено до окончательных распоряжений...

(1839–1869)

С упразднением унии Гродно становится местом пребывания второго викария Литовской епархии, под резиденцию которого был занят бывший дворец Дзеконского на Городнице. Последним настоятелем базилиан на Коложе был отец Виктор Бучинский, после чего храм вновь возвращается православным. Но тут вдруг возникло одно непредвиденное обстоятельство. «В городе был женский монастырь, – писал Михаил Коялович, – но не имел священника; была ещё тюремная церковь, но тоже без священника. В обе эти церкви нужно было посылать из Борисоглебского монастыря не только монахов для совершения службы, но и послушников для чтения и пения... Это представляло крайнее затруднение, которое ещё увеличивалось от того, что очень трудно было путешествовать в город из монастыря. Прямо через овраг Городничанки редко мож-

но было пробраться, а в обход, через мост, было очень далеко. В монастыре стала более и более утверждаться мысль, что лучше совсем перебраться в город...».

Коложанский храм неожиданно превратился в обузу. Не хватало даже сил, чтобы справиться с талыми водами. К тому же, после строительства гродненскими купцами порта, как раз напротив церкви, Неман начал менять свое прежнее русло, подмывая склон, на котором стоял храм. В этом ему помогали Городничанка и многочисленные ручьи, бившие у самого подножья коложанского холма.

Уже через год на стенах церкви обозначились трещины. Настоятель храма архимандрит Игнатий, обеспокоенный тем, как прямо на глазах разваливается святыня, обратился к властям с просьбой перевести братию из монастыря в город. Не спасло даже вмешательство императора Николая I. Напротив, попытка спасти храм обернулась бюрократической волокитой и открытым вымогательством денег: на выделенную Синодом тысячу рублей министерство путей сообщения выставило смету в... восемь раз больше! Пока дело тянулось, Неман и Городничанка работали с прежней силой. Спустя всего пять лет берег обвалился уже возле самой церкви. В результате монастырь все же перенесли, Коложа была закрыта, а на ремонтные работы Синод наложил резолюцию: «Рассмотрение отложено впредь до получения окончательных распоряжений...»

Про храм на время забыли. «Отсрочка продолжалась долго, – пишет М. Коялович, – подошло время крымской войны, и тогда, как бы заодно с русскими сердцами, дрогнули и древние стены Коложанской Борисоглебской церкви. С 1 на 2 апреля 1853 года половина этой церкви рухнула в Неман...» Нельзя сказать, что катастрофа Коложи прошла незамеченной. Скорее, в силу разных обстоятельств, она была воспринята местными властями в чисто прагматическом русле. Даже спасение храма от дальнейшего разрушения казалось делом сомнительным. Епархиальный архитектор в своем рапорте указывал, что «всякие исправления ...развалин» напрасны, и предложил вместо старой построить новую церковь возле монастыря на безопасном месте.

Теперь уже император Александр II дал указание «отпустить из казны на восстановление его такую денежную сумму, которая только потребуется». Однако тут вдруг оказалось, что сам монастырь, переселившийся на новое, более удобное место, не только не желал возвращаться, но и не видел необходимости в строительстве новой церкви, да еще за городом. «По мнению моему, – доносил бывший настоятель Коложи, а теперь епископ Брестский Игнатий, – здание это и не заслуживает уже требующихся денежных издержек ...и ныне не предстоит надобности открывать оное...». Более того, духовные власти убеждали, что церковь «не отличается никакими ни архитектурными, ни артистическими особенностями»!

Несколькими годами позже российский офицер П. Бобровский так описывал Коложу: «Семь веков скромный храм на Коложе смотрит на перевороты и изменчивость судьбы города Гродна и теперь готов уже исчезнуть в наших глазах, поглотившись волнами быстрого, своенравного Немана, безжалостно каждый год подмывающего тринадцатисаженный песчаный утес, у подошвы которого рассеяно несколько лачужек и струится Городничанка». «Жаль этого единственного памятника древности», – заключал он в завершение.

Один из русских чиновников описывал Гродно так : «...в нем нет решительно ничего замечательного. Даже здания старинной наружности не имеют ни красивого, ни внушительного, ни своеобразного вида». Отдельно он выделял только Коложу – «прекрасный памятник чисто-русской старины».

Чтобы впечатление о состоянии храма сложилось более полным, стоит привести описание той же Городничанки, которая выполняла роль «длинной городской сточной трубы, потому что в неё стекают с целого города все нечистоты». «На обоих берегах ее, в особенности на левом, – писал один из российских медицинских журналов, – по склону к речке живет самое бедное, густое еврейское население, которое, не имея нигде ни отдельных отхожих мест, ни сорных ям, извергает все нечистоты, как домашние, так и кишечные, куда и как попало, на открытом воздухе, на съедение всеядным животным и разложение

стихиям. ...Постоянно образующиеся массы смешанных нечистот, жидкия части которых стекают в Городничанку, беспрестанно разлагаются и всегда распространяют зловоние, невыносимое для непривычных обоняния и легких...» Само же устье Гродничанки, как раз у подножья Коложы, «составляло резервуар мефитических испарений, потому что все фекальные массы из города свозились и сваливались вблизи военного госпиталя, на берегу в черте города, представлявшем кучу нечистот, ожидавших движения воды, именно полноводья».

Сам город оставлял желать лучшего. «За исключением Замковой, Доминиканской и Роскошской улиц, которые довольно правильны, благовидны и обстроены хорошими зданиями, – описывал городские кварталы П. Бобровский, – все прочие кривы, узки и тесно застроены безобразными ...домами или правильнее лачужками. В некоторых местах ...дома расположены до того беспорядочно, что улиц почти вовсе нет, не говоря уже о площадях, садах и огородах, так много содействующих украшению города».

Состояние дел ещё более красноречиво показывала статистика. Если попытаться представить жизнь Гродно в цифрах, выглядела бы она примерно так: из девятнадцати тысяч жителей больше половины составляли иудеи, треть – католики и только шестнадцать процентов – православные. По размерам доходов Гродно стоял на сто двадцатом месте в империи (примерно столько же в городе было

фонарей на спиртовом газу). Одной из причин, тормозивших развитие городской жизни, стали огромные земельные латифундии, подступавшие к городу со всех сторон. Когда-то эти территории были частью Гродненской экономии – Станиславовского и Августовского ключа, – но после присоединения к Российской империи большая часть их была дарована двум генералам – Рубану (позже уступившему их К. Друцкому-Любецкому) и де Ласси. Это оказалось не менее болезненно, чем существование до этого магнатских и монастырских латифундий. На протяжении следующих тридцати с лишним лет город безуспешно пытался вернуть себе часть этих владений.

«Город сам по себе, – заключал П. Бобровский, – по стечению многих неблагоприятных обстоятельств пришел в сильный упадок; торговля в застое, обыватели обеднели, круг действия купцов ограничен, более предприимчивые купцы подвергаются банкротству, ремесленники терпят крайний недостаток даже в дневном пропитании; по отсутствию правильных заработков большая часть евреев живет платою от чиновников, собирая ничтожныя лепты путем обмана и непозволительного угождения. ...Городская казна пуста; самые ограниченные расходы рождают постоянный дефицит – и все это отражается на благоустройстве города. Большая часть домов, по ветхости и безобразному виду требуя совершенной переделки, приходит к постепенному разрушению; между тем

цены на квартиры постоянно возвышаются, с ними возвышается ценность на мясо и другие потребности обыденной жизни. Многие рабочие мещане, евреи и христиане, по недостатку запроса или по низкой заработной плате сравнительно с ценностью жизненных продуктов, бросают свои дома и отправляются без паспорта искать пропитания на чужбине...» Добавьте к этому нехватку питьевой воды, злоупотребления на городской переправе – и вы получите обычные городские будни. Даже строительство железной дороги оказалось не в состоянии пробудить Гродно от летаргического сна...

Как это обычно бывает, большие надежды в городе связывали с только что назначенным новым губернатором Иваном Абрамовичем Шпеером. До этой поры карьера Ивана Абрамовича Шпеера шла неуклонно вверх: от гардемарина до инспектора при Московском университете. Что правда, сами студенты его особо не жаловали, но власть бывшего полицмейстера ценила, а потому он поднялся еще на одну ступеньку вверх по служебной лестнице, заняв место гродненского губернатора. Следующие пять лет на новом посту Шпеер развернулся вовсю: ходатайствовал о переносе Анненской ярмарки из Зельвы в Гродно, запросил субсидии для православной церкви, а заодно получил «монаршее благоволение» за успешное поступление податей.

Так было, пока до Гродно из Варшавы не докатилась новая политическая «мода» среди польских патриотов: носить на себе траур

в знак скорби по утраченной свободе да распевать патриотические гимны. С. Славутинский в своих воспоминаниях так описывал разразившиеся беспорядки: «...Все эти потехи варьировались в самом Гродно нередким появлением к губернаторскому дому сборищ разного люда, как водится... с женщинами и детьми впереди. Тут уж крепко шумели и буянили. Начав с патриотического гимна, тотчас переходили к ругательствам против губернатора и против всякой русской власти».

«Дело доходило до того, – замечает историк Е. Орловский, – что уличные манифестанты, образовавшие значительную толпу, подходили к губернаторскому дому, пели там патриотические гимны и разражались потоком брани по адресу правительства». «Почтенный г. Шпеер, – вспоминал один из современников, – имел большие достоинства и как человек вообще, и как педагог в частности, но, уже как губернатор, он оказался вовсе не по тогдашним трудным обстоятельствам...» В другом месте он пишет: «...В кондитерских русскому человеку, не знающему польского языка, по целым дням невозможно было допроситься чашки кофе». Вероятно, именно из-за недостаточно решительных действий Шпеер и был снят с должности.

Гродно губернатор покидал тайно, в повозке земского исправника. Переиначив Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, можно сказать, что гродненцы «по обыкновению удивили мир своею неблагодарностью, и как только узнали, что градоначальнику прихо-

дится плохо, так тотчас же лишили его своей популярности». История с бегством из города надолго осталась в памяти горожан. «Так покончилось правление Шпеера, – писал современник, – покончилось нехорошо для него и ещё хуже для гродненской губернии...»

После Шпеера во главе Гродненской губернии был поставлен «весьма энергичный» генерал-майор со звучной фамилией Дренякин. Правление его продолжалось недолго, но для города оно не прошло незаметным. Правда, очередной губернатор прибыл с дурной славою душителя крестьянского восстания в центральных районах России, где, по слухам, он расстрелял несколько тысяч недовольных. Не удивительно, что уже вскоре он выказал много «административного таланта» и «всякие польские демонстрации подавлял с твёрдой последовательностью». Александр Дренякин демонстративно избегал местного общества, на приемы и вечеринки не ходил, заявляя, что «не любит есть объедки чужой еды». При губернаторском саде даже имелся огород, где садовник-огородник выращивал овощи для личного стола губернатора.

За время самого восстания в Гродно настроения накалились до предела. Наверное, самым заметным событием стала неудачная попытка захвата железнодорожного состава местными гимназистами во главе с начальником станции, собравшимися прорываться в Поречье к восставшим. Другой раз в Грандичах, рядом с придорожным крестом, крестьянин поднял несколько листков

«Мужицкой правды». Однако и нападавшие, и члены гродненской повстанческой организации очень скоро были арестованы. Правда, за само участие в восстании власти расстреляли в самом Гродно только двух человек: крестьянина и солдата. Польских аристократов ждали тюремные сроки и ссылки. «Вы должны стать русскими от головы до пят и гордиться этим, – заявил в Гродно генерал-адъютант Константин фон Кауфман, обращаясь к местной администрации. – запрещено сомневаться. Никакая иная народность не имеет права здесь обитать, кроме русской. Для тех, кто мыслит иначе, нет места в этом крае, для него место – там, за Бугом».

В этих условиях Коложа приобретает значение политического символа. Несмотря на очередное заявление литовской консистории о том, что восстановить церковь будет трудно, а в ней самой нет нужды, Синод принимает решение возобновить работы, передав концессию гродненскому купцу Феодосию Сидоровскому, до этого снискавшему себе репутацию «ревнителя» православия в крае. Одновременно объявляется сбор пожертвований на восстановление древнейшего гродненского храма, которое планировали завершить через два года!

Чуда, однако, не произошло. Ф. Сидоровский, «не имея возможности самолично распоряжаться работами», передает подряд на работы некоему Фердинанду Стефановскому, а тот, в свою очередь, подписывает контракт на работы с жителями Августовской губер-

нии братьями Лебедевыми. Не удивительно, что при таком подходе уже следующей весной в Неман обвалилась еще часть храма. Видимо, сказались ошибки в самом проекте, к слову, «потяжелевшем» уже до полутораста тысяч рублей. В результате вместо восстановления Коложи начинается строительство новой церкви в самом центре Городницы – напротив губернаторского дворца. Храм, который позже был освящен в честь святого князя Александра, возводился в ознаменование «чудесного спасения ценнейшей жизни Государя Императора» во время покушения на него террориста. Само собой, и это строительство должно было осуществляться за счёт добровольных пожертвований и вызвало неподдельную волну энтузиазма в части российского общества.

И тут в истории Гродно вновь появляется Художник. Он только вернулся на Родину из эмиграции после амнистии, как началось новое восстание, и ему припомнили все прежние грехи, определив в гродненский острог. Правда, заключение было не слишком строгим и Художнику разрешали выходить на прогулки в город. Он делал наброски: церковь на Коложе, старые королевские замки, городской рынок. Есть даже несколько рисунков из двора тюрьмы. Они выходили из-под его руки необычно яркие, красочные и жизнерадостные, что было несвойственно его манере.

Но случилось невозможное: в приговоре судебной палаты не было ни слова о высылке в Сибирь. Когда он покидал Гродно, в его пап-

ке лежало почти сорок рисунков. Художник сохранил город в истории, и за это город сохранил Художника, который затем еще почти тридцать лет создавал чудесные рисунки Родины, оставляя на них свой необычный автограф — Наполеон Орда...

«Казённое» благополучие
(1870–1895)

Российская империя медленно приходила в себя после крымской войны и «польского» восстания. Только теперь для западных «окраин» воцарились долгожданные мир и спокойствие. Уже начинали давать о себе знать плоды начатых реформ. Это «казённое» благополучие лишь в малой степени было заслугой местных начальников, но именно им достались главные лавры.

Сам Гродно, как и древний храм, ставший его олицетворением, будто потерялись во времени. В своих «Путевых наблюдениях во время поездки по Западной России» М. Коялович так описывал свое впечатление от Коложи: «Какое величие древности и какое запустение в настоящее время!...» Удивительно, но в этом его поддерживала жившая в Гродно писательница Элиза Ожешко, считавшая Коложу скорее не памятником извечного

влияния русской культуры на этих землях, а примером варварства нынешней власти. Еще какое-то время обсуждалась идея о том, чтобы разобрать руины храма, нарушающие своим обликом местные виды, но тут на защиту святыни встала российская интеллигенция: архитекторы, археологи, географы...

Тем временем в жизни города проявляется новая местная традиция, позже прочно вошедшая в практику, – увековечивать деяния наиболее выдающихся губернаторов, присваивая им почетные звания или называя их именами городские улицы. Единственная проблема заключалась в том, что именно следовало считать проявлением лучших личных качеств, и какие деяния очередного градоначальника заслуживали памяти благодарных потомков. Своего апогея «культ» губернаторов, если так можно выразиться, достиг в Гродно в лице Петра Столыпина. Чуть менее почитаем был граф Муравьёв. Одним же из первых гродненских губернаторов, всецело вкусивших славы, стал забытый теперь в Гродно генерал-майор Александр Елпидифорович Зуров.

Зуров правил Гродненской губернией почти восемь лет. Нельзя сказать, что это время прошло для города бесследно. Но более весомыми были заслуги губернатора перед российским государством. Не случайно Зурову была объявлена «высочайшая благодарность» за активную деятельность по организации призыва в армию накануне русско-турецкой войны! Очередное «монаршее благоволение» гу-

бернатор получил за успехи в деле пополнения государственной казны. К слову, не обошел вниманием А. Зуров и Коложу. При нем в уцелевшей алтарной части храма была устроена часовня во имя святых Бориса и Глеба, а сам храм приведен в некоторый порядок.

Всего год «гостил» на посту губернатора в Гродно выходец из прибалтийских дворян, «разорённый негодяй» Виктор фон Валь. Фон Валя сменил другой прибалтийский дворянин генерал-майор Николай Цеймерн, по почину которого в городе была открыта школа урядников. Не менее громкую фамилию носил и следующий губернатор – Александр Потёмкин. Вообще, само губернское начальство особых сентиментов к городу не питало. «Гродно оставалось для них только этапом карьеры, – отмечает историк С. Токть. – Высокие оклады позволяли вкладывать им средства в недвижимость, в первую очередь, покупать имения.... Долго здесь никто из них не задерживался, поскольку обычной практикой были частые переводы с места на место...»

Однако частью местного пантеона становились не только те, кто занимал губернаторское кресло. Настоящую славу городу принесла писательница Элиза Ожешко, которая, хотя и черпала свое вдохновение в окрестностях Немана, честно говоря, была не в восторге от российской провинции. «Гродно ужасно не везёт, – писала она в письме к своему другу. – Вместо одного короля Батория, который тут умер, здесь сегодня живет сотня дураков».

Ещё одной легендарной фигурой города в это время стал ребе Нохум Каплан. Выполняя завет еврейского цадика, он вёл вместе с семьёй полунищенское существование и при этом собирал огромные суммы на благотворительность (насколько большим авторитетом пользовался Нохум в городе, стало очевидно, когда в последний путь проводить своего ребе вышло... пятнадцать тысяч человек!)

Весной 1885 года город, как и много веков назад, вновь «погорел весь»! Обычно в Гродно случалось до десяти подобных пожаров за год, но в этот раз все было иначе. Один из свидетелей трагедии позже писал: «Все, что было деревом, превратилось в летучий пепел; все, что было металлом, слилось в поток расплавленной лавы; все, что было стеклом, растаяло в бесформенную массу». Удивительно, но пока горели их дома, часть гродненцев спасали... храмы: согласно легенде, Фарный костел сохранился лишь благодаря тому, что жители успели зацементировать окна. Но самое страшное ждало Гродно впереди. Местные власти, не желая огласки, фактически замолчали масштаб случившегося. Именно Э. Ожешко одной из первых в голос заговорила о трагедии. Друзья собирались забрать её из мертвого города, на что она только ответила: «Выехать отсюда могу меньше, чем когда-нибудь. Все, кого я люблю, терпят, и я из этого воюющего с несчастьем полка дезертировать не хочу». Вместо этого писательница начинает широкую работу по организации помощи погорельцам.

Сегодня о случившемся напоминает только... гродненская тюрьма в самом центре города. Как раз накануне пожара её собирались перенести из бывшего здания иезуитской коллегии на окраину Гродно. Были уже выделены средства, вот только пожар перечеркнул все планы. Деньги пошли на более срочные нужды, а тюрьма осталась на прежнем месте до лучших времен. Но как уже скоро оказалось, узаконенное насилие имеет универсальный характер, и ни одна власть обойтись без него не в состоянии.

Кстати, при всей кажущейся неприступности заключенные из гродненской тюрьмы бежали, и не раз: в 1813 году случилось сразу два побега – сбежал французский военнопленный и была неудачная попытка подкопа; следующий заключенный сбежал в 1816 году, отравив около двадцати караульных; в 1819 году из тюремного замка пропал ссыльный; еще через два года арестант N взобрался на крышу туалета, который находился рядом с тюремной баней, и «выскочил через вал» на волю; спустя всего год другой заключенный попытался сбежать через дымоход, но сломал ногу, прыгая с крыши; в 1832 и 1862 годах состоялись массовые побеги. Наконец, в 1874 году имел место почти классический сценарий: Александр Гарасек и Георгий Николайтис через пролом в полу мастерской попали в старые иезуитские подземелья, по которым и выбрались наружу...

Тем временем меняется стратегическое положение города, в связи с чем возрождаются

планы по созданию новых земляных укреплений. Военные власти собирались возвести целую линию обороны от Бреста до Ковно. Вновь к идее строительства гродненской крепости возвращаются уже при императоре Александре III. Первый форт, давший впоследствии название городскому микрорайону, располагался в урочище Пышки, остальные – на правом берегу Немана. Но ещё прежде, чем они были достроены, военные решили, что их количество недостаточно. В результате к уже имеющимся пяти укреплениям добавляются ещё два: в районе сегодняшнего микрорайона Девятовка и напротив торгового центра «Корона». В результате общая протяжённость кольца укреплений вокруг города составила около четырнадцати километров.

Пока же вокруг города возводились земляные форты, в 1889 году Коложа обрушилась в третий раз за последние полстолетия. Между церковными властями и представителями министерства путей сообщений начинаются переговоры «о сохранении от дальнейшего разрушения Борисоглебской церкви». Не известно, чем бы все дело закончилось, если бы внезапно в дело не вмешались местные лесопромышленники, которых, к слову, сделали ответственными за губительные для Коложи изменения русла Немана. «Последние, – пишет историк В. Черепица, – приняв во внимание как древность храма, так и религиозные чувства горожан, взяли на себя значительную часть расходов на ее консервацию...»

ЛѢТОПИСЬ
ВОЙНЫ СЪ ГЕРМАНІЕЙ

Умирая за царя

(1896–1914)

Сложно сказать, насколько в действительности были виноваты гродненские лесопромышленники, но это их деньги в итоге спасли храм. Работами руководил купец Арсений Пименов, который спроектировал оригинальный проект. «Если за реставрацию памятника возьмутся ученые архитекторы и поведут ее по всем правилам и требованиям художественной археологии, – писал один инициаторов работ по спасению храма, – то дело может принять грандиозные размеры и, пожалуй, не будет доведено до конца. Лучше сделать немного, но сохранить памятник». В результате вместо разрушенной стены был построен легкий каркас, обшитый снаружи досками, а сам храм накрыт деревянной крышей. 15 июня 1896 года Коложу вновь освятили.

Последнее десятилетие девятнадцатого века Гродненская губерния прожила под руководством бывшего выпускника

физико-математического факультета Московского университета Дмитрия Николаевича Батюшкова. Прощаясь со своим уже бывшим начальником, чиновники губернского управления не скупились на похвалы: «Жителям г. Гродно и губернии хорошо известно, с какой любовью губернатор относился к делу, сколько гуманности, уважения к человеческой личности он обнаруживал всегда в исполнении обязанностей. Добрый, он был одинаково доступен и для сильного, и для слабого, и для дряхлых стариков, и для малых детей». Можно, наверное, усомниться в искренности подобного признания, но и Э. Ожешко, мягко говоря, не питавшая особо тёплых чувств к российским чиновникам, писала, что губернатор «человек терпимый и хорошо воспитанный...», правда, добавляя при этом: «...С которым сжились».

Череду «губернаторов-долгожителей» прервал Николай Добровольский (позже, став обер-прокурором, он сыскал себе неоднозначную репутацию при дворе, где считался ставленником Распутина). Почти одновременно появляется самостоятельная Гродненская епархия, которую возглавил первосвященник Иоаким (Левицкий). Тогда, в самом начале века, вряд ли кто-то был в состоянии предсказать, что пройдет всего двадцать лет – и первый гродненский епископ будет убит в Крыму. Большевики распяли его вверх ногами у царских ворот кафедрального собора Севастополя, а ставший в одно время с ним гродненским губернатором Н. Доброволь-

ский – расстрелян вместе с другими заложниками в Пятигорске.

Празднование столетия учреждения Гродненской губернии пришлось уже на правление Николая Петровича Урусова. Одной из самых ярких страниц из его губернаторства, наверное, остаётся эпизод, описанный в воспоминаниях дочери Столыпина о том, как Урусов любил разъезжать по бывшему дворцу Тызенгауза на... велосипеде. Отсюда всего через год он был переведён на должность губернатора в Полтаву...

Тем временем сама страна стояла на пороге великих потрясений. Правда, из губернаторского дворца эти грядущие перемены не всем и не всегда одинаково хорошо были видны. Чтобы исправить положение на местах, министр внутренних дел В. Плеве взял курс на замещение губернаторских должностей местными землевладельцами. Так начинается карьера одного из самых неоднозначных российских политических деятелей – Петра Столыпина. Губернатор, считавший, что «образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии...», по сути, продолжил политику, обозначенную еще графом Муравьёвым. Отчасти планы будущих реформ начали писаться именно в Гродно. Это здесь прозвучали судьбоносные слова о том, что «главнейшим фактором улучшения экономических условий... следует считать расселение крестьян на хутора...»!

Сменивший П. Столыпина Михаил Михайлович Осоргин оставил в своем личном

дневнике первые впечатления от встречи с городом: «Подъезжать к Гродно со стороны Белостока очень выгодно для первого раза, ибо вид на город с этой стороны Немана со своими четырьмя костелами, особенно Фарным, и большим красивым собором (остальные церкви небольшие и не видны) и историческими замками, очень красив...»

Но один отрывок из дневника стоит процитировать отдельно: «Последнее красивое место около Гродно – старинная церковь времен Ярослава Мудрого по старому названию городища – Колоча (Коложа). Восстановление и поддержание этого древнего памятника православия в крае, свидетельствовавшего, что последовавшие потом окатоличивание и ополячение края были лишь наносным явлением, взяло на себя Императорское археологическое общество, и мне, как губернатору, пришлось во время моего пребывания в Гродно принимать деятельное участие в этой работе. Но средств было мало, реставрация шла черепашьим шагом, и уехал я из Гродно, оставив этот храм весь в подпорках и все с той же деревянной стеной...»

Осоргин оставался губернатором до весны 1905 года, когда вся страна окунулась в пучину революции. А само бремя усмирителя революционных волнений пало на Ивана Львовича Блока (дядю знаменитого поэта), который сумел продержаться в губернаторском кресле меньше года. Как замечают авторы книги «Гродненская губерния..», И. Блоку пришлось выдержать «забастовки ра-

бочих гродненских предприятий и служащих государственных учреждений, солдат 26-й артиллерийской бригады, учеников школ и гимназии. Последние бастовали на протяжении 3 недель. Губернатор пригласил делегатов к себе в кабинет для беседы, результатом которой стало его согласие на введение в гимназии польского языка как предмета преподавания для желающих. Митинги, демонстрации, забастовки подавлялись полицией, казаками, армией». Так как Россия в тот момент напоминала пороховой погреб, более-менее толкового администратора при первой же оказии перевели на другой пост – в Самару, где он вскоре... погиб от бомбы террориста.

В самом Гродно все бурлило. Бастовали рабочие и чиновники суда, проходили манифистации и маевки, город новоднили листовки. В довершение всего местная боевая организация ППС – польских социалистов развернула террор против властей: делегация революционеров устроила перестрелку с владельцем интролигаторской фабрики Хариным прямо у него в кабинете, слесарь Зеликовский бросил бомбу в околоточного Кадина на Рыбном рынке, было организовано неудачное покушение на казацкого атамана на Замковой, при взрыве бомбы в сквере на Доминиканской был ранен комиссар Рошковский. Боевики напали на кассу окружного суда в центре Гродно, организовали покушение на помощника пристава Шукайлова и околоточного Козлова рядом с переправой на Мостовой (любопыт-

но, что штаб террористов находился совсем рядом, в бернардинском костеле)...

После белостокского погрома местные социалисты организовали специальные рабочие дружины, чтобы предотвратить выступление черносотенцев в Гродно. В результате, когда по городу пошел слух, будто на Грандичской собираются погромщики, туда со всех сторон направилось несколько сотен человек, вооруженных топорами, ломами, огнестрельным оружием. Среди собрашихся были и женщины с.. пачками табака! Испугавшись масштабов вспыхнувших беспорядков, новый губернатор Владимир Константинович Кистер, как это уже случалось ранее, поспешил покинуть Гродно, не оставив своим заместителям ни инструкций, ни распоряжений центральных властей, ни даже сведений о состоянии дел в губернии. Правда, официально сообщалось, что губернатор ушёл в отставку по болезни.

В результате следующие два года эту должность занимал Франц Зёйн. Пока он боролся за возвращение авторитета верховной власти, революция в стране пошла на спад. Вскоре на успехи гродненского губернатора обратил внимание П. Столыпин и направил его в Финляндию. На его место был назначен Виктор Борзенко, при котором возобновляются консерваторские работы на Коложе. Была даже изготовлена специальная плинфа для восстановления храма! Но тут император Николай II принимает указ о строительстве гродненской крепости, которая должна была заме-

нить собою старые земляные укрепления. И хотя о восстановлении Коложи уже больше речи не шло, для самого Гродно это строительство превратилось поистине в золотое дно! Часть средств, выделенных на укрепления, перекочевала в карманы местных подрядчиков и купцов, что-то досталось и мелким торговцам. В городе появляются мост, тротуары и электричество, начинает работать первый кинематограф. Ко всему прочему, город переживал невиданный наплыв людей. Население Гродно достигало почти шестидесяти тысяч, плюс – еще около двенадцати тысяч военных! Фактически же город оказался в центре огромной паутины из укреплений с радиусом в шестьдесят пять километров.

Гродненскую крепость так и не успели достроить. В самом начале войны, когда к Гродно почти вплотную подходят немецкие войска, архиепископ Михаил вместе с образом Коложской Богоматери объехал гродненские форты со стороны, откуда ждали противника, после чего немецкое наступление чудесным образом останавливается. Осенью 1914 года в Гродно прибывает российский император. Весь его маршрут по городу был расписан накануне. На Коложу император должен был любоваться из садика офицерского собрания в бывшем Старом замке.

«Шла осень, – вспоминал позже генерал М. Бонч-Бруевич, – с утра моросил назойливый дождь, и на главной в городе Соборной улице было не очень людно. Но магазины и кондитерские еще торговали; по узким тротуарам

под руку с местными девицами шагали фланирующие прапорщики; грохоча железными шинами по булыжнику мостовой, проезжали извозчичьи пролетки, светилась электрическая вывеска «Иллюзиона», и у входа в него толпились великовозрастные гимназисты, писари и те же вездесущие прапорщики... И даже не верилось, что противник находится совсем недалеко от города, что не за горами то время, когда по улицам вот точно так же начнут разгуливать и толпиться у дверей «Иллюзиона» немецкие лейтенанты, а те же девицы будут, как и сейчас, взвизгивать от сальных анекдотов»...

Гродненская Троя

(1915–1934)

Зимой 1915 года германская армия окружила под Гродно двадцатый корпус генерала П. Булгакова, который из последних сил с боями прорывался к крепости, от которой его отделяло всего несколько километров. Вот только в самом Гродно ничего не знали об этом! В результате из всего корпуса вышло только два полка. Город дважды эвакуируется. Внезапно вся русская администрация оказалась в вагонах, дрогнула, двинулась на восток и... исчезла. Вслед за ней потянулись бесконечные колонны беженцев. В самом конце лета начались бои за ближние подступы к крепости. В итоге, однако, военное командование решает сдать крепость и отдает приказ подорвать форты...

Гродно бомбили несколько раз, причем с дирижаблей и с самолётов. Бросать бомбы с цеппелина было, видимо, сподручнее, в результате чего сгорел дворец губернатора. Немецкий офицер, который успел здесь по-

бывать накануне, оставил скупые записи в своём военном дневнике. Бои за город были ещё в самом разгаре. Он прошёлся по пустому дворцу, где стояла красивая мебель. Особенно его поразило чучело зубра. Рядом, возле окна, лежали тела двух убитых русских солдат... Некоторое время спустя началось новое немецкое наступление, во время которого старинная постройка и загорелась. «Большая часть здания превратилась в одно пылающее море огня» – таковым было последнее живое свидетельство из истории дворца на Городнице. Когда в город вошли немецкие части, первым делом были арестованы гродненские пожарники. Их обвинили в том, что они подавали с каланчи знаки русским войскам. За пожарных вступился ксендз Мельхиор Фордон из францисканского костела, поручившись собственной жизнью. Узников в итоге освободили.

Почти в одночасье город поменял свой облик: о недавних боях, кроме руин самого дворца, напоминали взорванные мосты через Неман, сгоревший вокзал да внезапно разросшееся военное кладбище. Исчезает поставленный буквально накануне войны бюст Столыпину. А вскоре немцы заканчивают линию укреплений на правом берегу, замыкая кольцо фортов вокруг города. Теперь из оставшихся двадцати четырех тысяч жителей пятнадцать были евреями. Польского населения насчитывалось в два раза меньше: семь тысяч. Русских и белорусов было всего по... пятьсот человек!

Летом 1916 года город посетил кайзер Вильгельм II. Он проехался по Гродно на автомобиле, посетил полевую службу и отправился созерцать виды Немана со стен старого замка, как когда-то российский император. Оккупационные власти отличались исключительным рационализмом: за время оккупации военные саперы восстановили движение по железной дороге, для нужд армии были построены мармеладная фабрика и еще одна водонапорная башня, пробита скважина с минеральной водой, а заодно отлажена система полевых судов. «Что делали немцы, догадаться нетрудно, – заметил несколько лет спустя русский писатель Аркадий Бухов. – Использовали дикие каштаны, заставили починить тротуары, изъяли из употребления бродячих собак, ввели карточную систему, подождали собственной революции, немного посидели и ушли». Правда, покидая Гродно, они потребовали выкуп за мармеладную фабрику, взорвали скважину с минеральной водой и едва не взорвали железнодорожный мост...

Со временем понемногу возвращаются вчерашние беженцы, которых ждало страшное разочарование. Один из них с ужасом отмечал: «В Гродно меня поразило, что ни в общественных местах, ни в магазинах, ни просто на улицах не было слышно родного – русского языка...» Еще сложнее было с выбором будущей государственной принадлежности. Какое-то время под властью немецкого коменданта одновременно уживались польский комиссар Станислав Ивановский, министр белорусских дел при литовском правитель-

стве Язеп Воронко, глава правительства БНР Антон Луцкевич, временный комитет по передаче городского имущества от немецких властей, еврейское самоуправление и... большевистское подполье! В итоге в Гродно торжественно вступила польская армия, которая оставалась здесь почти год, пока не перешли в контрнаступление большевики. Летом 1920 года Красная армия занимает Минск и Вильно. Дальше путь на Варшаву и Европу для мировой революции лежал через Гродно...

Из всех советских частей к городу ближе всего оказался кавалерийский корпус под командованием Гая – или, как его ещё называли, Гай-хана. В истории войн это был беспрецедентный случай, когда кавалеристы почти без прикрытия решились на штурм крепости! Накал борьбы был неистовым. Во время схватки за Грандичи оказалась порублена почти целая рота польского запасного сторожевого батальона. Правда, дальнейшее продвижение Красной армии в этом направлении было задержано проволочными заграждениями. Зато другая часть корпуса, воспользовавшись замешательством, сумела прорваться в Гродно через Переселку, после чего сражение перекинулось уже на улицы города.

Аркадий Бухов в своем фельетоне позже дал исчерпывающую характеристику советской кавалерии: «Дралась она изумительно, вплоть до взятия танков конной атакой, но, к сожалению, военныя действия ея продолжались еще сутки даже после ухода неприятеля. Среди трофеев этой суточной кампании

можно считать несколько сот золотых часов, колец, браслетов и других боевых матерьялов и взрывчатых веществ». Из Гродно Гай устремился дальше, к Варшаве. Еще через несколько дней в городе проездом остановился Ф. Дзержинский – провел совещание с членами ревкома и тоже поспешил на запад. Порадокс, однако, заключался в том, что по подписаному накануне советско-литовскому договору Гродно должен был отойти к... Литве!

Сейчас уже сложно сказать наверняка, собирались ли большевики выполнять свои обязательства. Советская власть просуществовала в Гродно меньше трех месяцев. «Учреждения, едва успев организоваться, работали так вяло и были настолько непопулярны среди пролетарских масс, – доносил в своем рапорте один из руководителей ревкома, – что существование их для многих прошло совершенно незаметно». Кроме, разве что, одного – ЧК, который гродненцы запомнили надолго. Когда в конце сентября польские войска вновь подошли к левобережной части города, от неё мало что осталось. В довершение всего, большевики взорвали железнодорожный мост, приготовившись обороняться, и только угроза окружения заставила их отступить. После тяжелых боев польские части занимают Гродно.

Вскоре заканчивается польско-советская война, и теперь Советская Россия уступает Гродно уже Польше. Всего через год на открытие памятника жертвам большевизма сюда приезжает Юзеф Пилсудский. Стелу возвели

в центре бывшей губернаторской площади, где еще недавно большевики устроили лагерь для пленных польских солдат. Каждый раз, проезжая в поезде по мосту через Неман, Ю. Пилсудский просил адъютанта разбудить его, чтобы полюбоваться видами Немана. Со временем в его честь назовут восстановленный мост через Неман, а сам маршал получит звание почетного гражданина города.

Первым послевоенным президентом Гродно становится бывший полковник царской армии Эдвард Листовский. Это ему принадлежат слова: «Перечень потерь не так страшен сам по себе, как страшно жить день ото дня, с неуверенностью глядя в будущее». Он умер от сердечного приступа, возвращаясь домой после работы.

Тем временем набирает силу белорусское национальное движение. Появилась даже идея передать Коложу для богослужений на белорусском языке. Вместо этого выступавший против автокефалии епископ Владимир был выслан, а местные белорусские деятели – арестованы.

Следующим президентом Гродно становится хозяин бывшей иезуитской аптеки Эдвард Стенпневский. Активный общественный деятель, бывший редактор газеты, он все силы бросает на восстановление города. При его содействии открываются сразу два музея – истории и природы, а за развитие театрального искусства личную благодарность ему высказал сам президент Польши. В своих выступлениях Э. Стенпневский не раз высказывался за сотрудничество между представи-

телями разных национальностей и религий. При этом, однако, он неоднократно критиковал еврейскую часть населения города. Однажды на заседании магистрата он единственный из собравшихся выступил против того, чтобы насильно выдворять проституток с центральных улиц Гродно, посчитав подобно решение «нерациональным». Только после того, как работа городского совета фактически оказалась парализованной, Э. Стенпневский сложил с себя полномочия.

Третим по счету президентом Гродно был выбран до этого бессменный гродненский староста Казимир Рогалевич. «Магистрат существует для гражданина, а не наоборот...» – заявил он, вступая в новую должность. При К. Рогалевиче в городе торжественно был открыт памятник Э. Ожешко и основан комитет по восстановлению Старого замка. Уже после его отставки городской Совет принял решение выплатить ему денежную компенсацию за неиспользованный отпуск и служебные выезды за собственный счет...

Совсем иначе отреагировал тот же Совет на уход Антония Рончашека, который фактически был назначен на роль руководителя города сверху. Совершенно чужой в Гродно молодой человек – ему было чуть за тридцать – пускай и с несколькими университетскими дипломами, запомнился тем, что ездил из Гродно в Белосток на служебные совещания не поездом, а на... такси. В отместку городской Совет лишил его всех выплат, объяснив это «абсолютной беспомощностью в руководстве местным хозяйством и неспо-

собностью организовать обещанные им же самим изменения».

Сам же Гродно, в одночасье превратившийся из центра губернии в провинциальный поветовый город, не собирался мириться со своей участью. Несколько музеев, театр, архив, парк, зоопарк, перестроенный из бывшего велотрека, – не имея экономических возможностей, казалось, он искал только повод, чтобы заявить о своей исключительности.

Трудно назвать какую-то одну, конкретную дату, когда Гродно увлекся спортом, но уже вскоре здесь существовало несколько спортивных клубов: «Кресовия», «Лехия», «Стрелец», «Маккаби», «Крафт», «Хасмонея». Очень скоро в городе появляются и свои чемпионы, как, например, сын бывшего директора белорусской школы в Гродно Леонид Федорук: семикратный представитель Польши на международных соревнованиях, трёхкратный рекордсмен страны, двукратный чемпион в метании диска, трёхкратный – вице-чемпион, бронзовый медалист чемпионата по толканию ядра. На нынешней улице Островского любил тренироваться Витольд Герутто, легенда межвоенного спорта, поражавший зрителей как своими достижениями, так и разносторонностью талантов. А когда в Гродно по дороге из Варшавы провел сеанс одновременной игры в шахматы А. Алехин, чемпион мира проиграл местному шахматисту Якову Скидельскому!

Тем временем президентом Гродно становится хозяин имения Августовок Маврицый О'Браен де Ласси. Выпускник Рижского политехнического института, бывший морской

офицер, он принимает на себя руководство городским хозяйством в самый разгар экономического кризиса. Поэтому первое, что ему пришлось сделать, это сократить расходы города на образование. Его супруга, писательница Надежда Друцкая, вспоминала о работе мужа как о тяжелом испытании. Правда, через три года, когда кризис уже пошел на спад, де Ласси покидает свой пост в пользу временно исполняющего обязанности гродненского президента Казимира Сулистровского, сына варшавского промышленника. Выступая перед магистратом, назначенный правительством чиновник не преминул подчеркнуть красоту города и его исключительное прошлое, после чего обратился к представителям местной прессы с просьбой, чтобы они «очень острой и мелочной критикой не мешали в работе самоуправления».

Многочисленные гродненские газеты и вправду не отличались особым тактом. Не спасала даже цензура. Редакторов штрафовали, сажали на несколько недель в тюрьму, но совсем заставить молчать не получалось. Особенно громким оказался скандал вокруг гродненского старосты Зигмунта Робакевича, который опустошил местную кассу на несколько десятков тысяч злотых, в том числе растратив и часть денег, которые предназначались на восстановление замка. Правда, все эти средства он использовал исключительно на служебные приемы и прочие «представительные» расходы. Это именно при нем начинается подготовка к празднованию четырехсотлетия короля Стефана Батория,

ставшего символом польского Гродно, который теперь именуют не иначе как «град Батория». Вот только сам «град» мог в любой момент остаться без главного символа, так как Старый замок готов был уже обрушиться в Неман. Тогда директор гродненского музея Юзеф Йодковский предпринимает отчаянную попытку спасти замок, грозивший повторить участь Коложи. А так как ни средств, ни материалов для укрепления склонов и берега не хватало, решено было брать грунт со внутреннего двора самого замка. Уже через несколько недель работ землекопы (из числа местных безработных) наткнулись на остатки сразу двух средневековых... церквей. В одночасье город превращается в научную сенсацию, археологические находки поражают воображение, а в газетах все чаще можно встретить новое выражение: «Гродненская Троя»!

Вскоре над городом вырастает новый символ – Фара Витовта. «Древний ягеллонский костёл, – как писала директор гродненского архива Янина Студницкая, – ...отобранный врагом нашей традиции и западной культуры, должен был в облике православной церкви стереть всякие следы своего происхождения». Теперь, после новой перестройки, костёл превращается в громадный готический храм, которым, по правде, никогда не был.

Межвоенное двадцатилетие выдалось особенно «богатым» и на местных блаженных. Тут и дочь четы Ознобишиных, потерявшая рассудок после убийства матери большевиками, и грязный, одетый в тряпьё «дурны Янка». В тридцатые годы на улице Грандичской

можно было встретить особенную фигуру. «Была это, – вспоминал один из гродненцев, – высокая, одетая в тёмную одежду женщина в среднем возрасте, которую называли «Инспекторшей». Этой психически больной женщине не нравились все другие встречные дамы. Громко начинала она сомневаться в их моральности и обвиняла в злых намерениях, которые они якобы имели относительно её мужа. Муж её служил где-то инспектором. Это был мужчина преклонного возраста, одетый по моде прошлого века. Он носил поднятый воротничок, котелок и монокль. Был он забеганным, неприметным и замученным скандалами чиновником...». А ещё был сторож гродненской семинарии – Сильвестр Кузницкий. Сама семинария располагалась в бывшем женском бернардинском монастыре, а сторож одним из первых передал триста злотых на восстановление храма. Как написал Ю. Йодковский, «только тот, кто хотя бы раз видел Сильвестра, в состоянии оценить по достоинству всю глубину его поступка»...

Еще недавно шутили: «Гродно зеленый, но... плохо пахнет»,– имея в виду, что здесь, как и сто лет назад, до сих пор все нечистоты стекали в Городничанку. Теперь, всего за несколько лет, в городе проложили канализацию; на центральных улицах появилось дорожное покрытие, разработанное по специальному проекту; обсуждалось строительство порта и ГЭС на Немане. В Гродно начинается строительный бум – что-то похожее уже однажды было, как раз накануне Первой мировой...

К сожалению, по-своему грандиозные работы по укреплению набережной Немана рядом со Старым замком неожиданно имели плачевные последствия для Коложи. Оказалась нарушенной прежняя дренажная система (рабочие засыпали колодец, куда по трубам стекала вода с коложской горы). В результате в северной стене и в алтарной части храма были замечены новые многочисленные трещины. Был создан специальный комитет по восстановлению Коложи, который прежде всего должен был заняться геологической разведкой с целью выяснения структуры террасы, на которой находится церковь.

Как раз в это время на страницах местного журнала появился небольшой фельетон, где описывалось вымышленное землетрясение, которое внезапно уничтожило... Гродно. «Летним месяцем тысяча девятьсот тридцать десятого года, – начинался рассказ, – а точнее говоря, в последние дни лета, общественная мысль города была встревожена таинственными и ужасными по своему содержанию новостями. Согласно слухам – ни больше ни меньше, как через несколько дней должен был наступить конец света...». «Наконец, – заканчивалось повествование, – этот страшный день настал... Все, что произошло потом, было спрятано за стеной пыли и песка... Одно можно только сказать с уверенностью: вдруг вдоль улиц Ожешко, Доминиканской до самой площади Батория возник огромный пролом, в который и провалился город ...».

Строки эти, по-своему, оказались пророческими...

Wolność

«Malach ha Mavet» – Ангел смерти
(1935–1948)

В 1935 году Юзеф Йодковский приступает к раскопкам на Коложе с тем, чтобы после начать реконструкцию храма. Но тут вдруг прогремел судебный процесс против бывшего гродненского старосты, на котором директор музея проходил в качестве свидетеля. При этом вокруг самого Ю. Йодковского разгорается нешуточный скандал. Его, выпускника Московского археологического института, обвинили в непрофессионализме и отстранили от дальнейших работ. Что еще хуже, как бы подспудно, в виде невысказанного упрека, археологу ставили в вину тот факт, что найденный им древний Гродно оказался не совсем польским! Будто оправдываясь, он из последних сил бросается на поиски норманнов – тех самых викингов, возможно, в глубине души надеясь таким образом оправдаться. В результате Ю. Йодковскому и вовсе

пришлось оставить Гродно – город, где он родился и в который был беззаветно влюблен.

«Я иду по чудесному бульвару, похожего на который нет даже в Вильне, – описывал свое впечатление от города корреспондент виленского «Słowa». – ...Красивый, рослый молодой человек стоит над берегом, вглядываясь голубыми глазами в быстрое течение реки. Он весь в порванных на куски лохмотьях. На плече свисает два мешка с картошкой. Возле него – девушка, тоже в лохмотьях и с картошкой. Замученная или задумавшаяся? Девушка медленно выговарвает: «Вось, каб нам лодку мець, тады да самай хаты па Нёману»... Парень трясет головою, глядит на красивые названия лодок: «Zakopianka», «Mewa», «Krysia». Сомневаюсь, что он умеет читать.

Прохожу мимо них. Красивая дама везет перед собой коляску и присматривает за старшим сыном, который, судя по всему, собирается залезть на высокую гору с руинами замка князя Витовта. На даме пышные искусственные меха. «Владек, Владечка, иди скорее к мамочке!» – громко зовет она.

Там, где Неман впадает Городничанка, собрались хаты рыбаков, одна под другой, будто бы ласточкины гнезда. Серые лачуги. Вперед уходит улица с соответствующим названием – Рыбацкая. Двое мальчишек, светящихся от весеннего воздуха, быстро шагают по краю берега. Их не пугает плеск Немана. Следом за ними натыкаюсь на женщину, которая выскочила из хаты в одном халате, возмож-

но, накинутым прямо на голое тело. Бежит злая, левой рукой поддерживая разлетающиеся полы халата, и кричит: «Витька! Витька! Холера, падла, антихрист! Возьми бутылку! Послала его за керосином...».

Так на речном бульваре встретились сразу три разных города: крестьянский, преимущественно белорусский; польский – город служащих и военных, и Гродно пролетарский, говоривший на разных языках. Еще один, четвертый, – еврейский Гродно – начинался совсем рядом, вверх по Городничанке. Он никогда не был похож на остальной город, но теперь это все чаще ставилось ему в вину.

1 сентября 1939 года город пережил первый авианалет: пролетели три немецких аэроплана, которые скинули около сорока бомб. Спустя ровно три недели, туманным утром, на углу Почтовой, нынешней Социалистической и Ожешко, появился советский танк из подразделения разведки шестого казацкого корпуса кавалерии. Советские войска вошли в город с запада, откуда ждали немцев. До сих пор остается загадкой, почему советские танкисты решились выступить без прикрытия в Гродно. Возможно, они действовали согласно директиве народного комиссара внутренних дел СССР, которая предписывала немедленно занять почту, банки и государственные архивы, в первую очередь архивы жандармерии, которые должны были послужить в борьбе с местными контрреволюционными элементами...

Опомнившись, польские солдаты и добровольцы заняли оборону. Одной из первых была подбита машина старшего лейтенанта Михаила Евсеева, рядом с сегодняшним кинотеатром «Красная звезда». Никто из экипажа не успел спастись. Второй танк был подбит на углу с улицей Гувера (сегодня – Тельмана). Третий советский танк остановился на соседней Доминиканской (сегодня – Советская). В танк попало около восьми снарядов, но он продолжал ехать и даже успел раздавить зенитное орудие. Свидетели уверяли, что его подожгла бутылкой с зажигательной смесью... женщина. Следующий танк БТ-7 был подбит на площади Батория. Пятый польские гимназисты обнаружили в районе улицы Скидельской рядом с железнодорожным виадуком. Последний из танков группы Богданова попытался отступить за Неман. Однако уже рядом с мостом, возле казарм, он совершил роковую ошибку и повернул в сторону старой, уже не существовавшей переправы по улице Мостовой. Танк оказался на берегу реки, где его команда заживо сгорела, так и не покинув машины. Все это происходило на глазах советских солдат, оставшихся на левом берегу.

Для польских патриотов главным символом боёв за Гродно является история тринадцатилетнего польского мальчика Тадика Ясинского, которого, якобы, советские танкисты привязали к броне танка. Единственный непольский источник – это воспоминания местной белорусской женщины, уверявшей,

что мать ребёнка кричала и проклинала не советских солдат, а тех взрослых, кто дал бутылку с горючей смесью в руки её сына. Польские защитники Гродно уходили из города ночью по набережной вдоль Немана. Последнее, что они видели, была Коложа у них за спиной.

При советской власти на территории Коложи расположилась база птицефабрики. «Советизация» Гродно обернулась открытием новых школ, гипсовыми бюстами вождей по всему городу и арестами всех «контрреволюционных элементов». Судя по всему, пригодились документы из местного архива. Сохранилась история про то, как маленькая дочка офицера, приехавшая в Гродно с отцом из Советской Белоруссии однажды увидела на улице местного убогого, которого все звали «дурны Янка». Ребёнок на мгновение оторопел, а потом вдруг закричал: «Папа, смотри, а тут тоже колхозники есть!» Позже, когда началась депортация польского населения, «дурны Янка» пророчески заметил – везут, дескать, их всех в «рай земной». Последний эшелон с депортированными гродненцами покинул город за день до немецкого вторжения...

Позже настоятель занеманской церкви доносил в своем рапорте гродненскому архиепископу: «Целый день ...город подвергался воздушной бомбардировке германской авиации, и тотчас же начались пожары. Особенно пострадала занеманская часть, где были сосредоточены: арсенал, военные склады,

мосты, узел железных и шоссейных дорог. Большей частью тяжелые авиабомбы падали около занеманской церкви, и вскоре железнодорожный мост рухнул, разъезд разрушился, а на складах поднялся пожар. Самое страшное зрелище... было ночью..., когда против церкви загорелись арсенал и склад бензина. ...Земля и, казалось, небо дрожали от взрывов снарядов. Железные бочки с бензином выбрасывались на сотни метров в высоту и взрываясь, разливали море огня. Осколки снарядов разлетались на несколько километров в окружности... Советские снаряды и воздушный флот обстреливали город из мести и, усеяв поля и леса трупами, отошли... Все дома кругом церкви, фабрики, заводы и так далее... все это уничтожено огнем, так что одна треть города уничтожена... Костелы все пострадали. Доминиканский сгорел, Францисканский разбит, Гарнизонный... – потерял всю крышу...». Заканчивался рапорт сообщением о том, что «все жены командиров Красной Армии остались в городе и поголовно крестят своих детей».

Гродно поменял свое имя на «Гартен» и стал частью генерального округа «Белосток». Из всех жителей города гражданами Рейха было всего четыреста человек. Город наводнили нацистские службы безопасности: полиция порядка, городская полиция, жандармы и СД. Чуть позже в Гродно появилось отделение гестапо, которое насчитывало, вместе с техническим персоналом, всего тринадцать человек. Но эти несколько человек держали в страхе весь город.

Самого жестокого офицера СС местные евреи назвали «ангел смерти» – Malach haMavet. Все еврейское население Гродно вдруг оказалось вне закона. «Когда мы входили в гетто, – вспоминал спустя годы Феликс Зандман, один из немногих спасшихся, – падал снег. Каждый из нас нес на себе столько одежды, сколько смог одеть: три или четыре рубашки, несколько штанов, пару курток...В этой массе людей не было ни богатых, ни бедных. Все выглядели так же, шли нога в ногу, в таком же медленном ритме и с такими же опущенными головами...».

Осенью 1942 года член Армии Краевой Витольд Матушевский, доставляя в город нелегальную литературу, столкнулся с патрулем. В завязавшейся перестрелке погиб немецкий жандарм. По другой, менее патриотической версии, связной занимался контрабандой мяса и вез в Гродно половину свиньи и самогон. По большому счету, это было уже и не столь важно, ведь попранным оказался авторитет новой власти. В ответ нацисты взяли в заложники сотню гродненцев из числа местных поляков. Начальник гестапо приказал расклеить по всему Гродно объявления, в которых призывал виновника случившегося лично прийти и понести наказание. Когда же в назначенный срок В. Матушевский не появился, каждый четвертый из арестованных должен был умереть. Среди тех, на кого пал выбор, были бывший вице-президент Гродно, судьи, врачи, нотариус, бывший школьный инспектор, учитель математики, учитель

гимнастики, художник, бывший гимназист, бывший и нынешний директора табачной фабрики, инженеры...

Но вдруг оказалось, что в этом узком тюремном коридоре не все решал слепой случай. Вместо Юзефа Вевюрского, бывшего директора школы, отца шестерых детей, добровольно вызвался умереть его коллега, учитель природоведения Ян Кохановский! Один из основателей городского зоопарка и музея природы, организатор просветительских экскурсий, человек, беззаветно любивший жизнь, он сам отдал свою собственную во имя идеалов, которым оставался верным до конца.

Все попытки освободить узников – гродненцы даже успели собрать деньги в пользу немецких солдат, закончились ничем. И когда истек срок ультиматума, заложников вывезли на старый форт, рядом с Наумовичами, и расстреляли. Витольд Матушевский вскоре перебрался в Варшаву, где местные подпольщики признали его виновным в трагедии, причем привести в исполнение приговор должны были именно в Гродно. А всего через год вместе со всей семьей и ещё десятками новых заложников там же, в Наумовичах, погиб учитель Ю. Вевюрский.

Тем временем из гродненского гетто в Аушвиц (Освенцим) один за одним идут эшелоны. Гродненцы «превращаются» в порядковые номера: мужчины – 75952–76116, 77720–78024, 79390–79567, 80764–80964, 90822–90976, 91115–91289, 92544–93143, 93313-93487,

женщины – 25065-25129, 25793–25920, 26287–26346, 30035–30235, 30136–30247, 30771–31190, 31362–31421. Тех, кто не прошел селекции, отправляли сразу в газовые камеры, без номера. Первым узникам в концлагере вручали открытки с напечатанной на немецком языке фразой, открытки они обязаны были подписать и отправить родным: «С нами обходятся хорошо, мы работаем и все замечательно». Когда же прибыл последний эшелон из Гродно и узникам приказали выходить из вагонов, вместо того, чтобы выполнить приказ, они бросились на охранников. У них не было оружия...

В середине июля 1944 года советские части, неся тяжелые потери, подошли к первой линии немецкой обороны, которая проходила по рубежу Станиславово – кирпичный завод. Уже вечером 508-й стрелковый полк под командованием подполковника И. Железнякова, совершив бросок, взял высоты рядом с деревней Девятовка. Но за деревней он вновь попал под сильный обстрел из опорного пункта на кирпичном заводе. Путь к Гродно прикрывали крупные силы противника: пехота, 15 танков, самоходные орудия и огневые точки, оснащенные крупнокалиберными пулеметами. Кроме того, немецкая авиация все время бомбила наступавшие советские части. Воздух сотрясался от бесконечной канонады...

Солдаты несколько раз поднимались в атаку, но тщетно. Это был один из самых критических моментов. Тогда, собрав телефо-

нистов, радистов, разведчиков минометной роты, санитаров, вместе с резервным взводом передовой отряд бросается в последнюю атаку. Немцы дрались упорно, но не выдержали натиска. В едином порыве солдаты врываются на проклятую высоту. Взятие этой позиции означало прорыв первой линии обороны. В течение последующих семи часов советские части выдержали шесть яростных контратак. Немцы старались любой ценой отбить форт и бросили в бой резерв.

В этом бою особенно отличился старшина полковой батареи С. Никулин. Старый солдат, награжденный тремя Георгиевскими крестами, один из которых ему вручил лично генерал А.Брусилов, во время схватки распорядился выкатить орудие на открытую позицию и открыть огонь с короткой дистанции, в упор расстреливая приближающегося врага. И даже тогда, когда он остался один, старшина продолжал вести стрельбу. И лишь когда была отбита шестая по счету контратака, на помощь подоспел полк подполковника И. Мудрака, а немцы были окончательно отброшены от завода...

Утром 16 июля батальон 557-го полка вышел к Неману в район Коложи... Немцы, отступая, заминировали большую часть города – обергрупенфюрер К. фон Готберг получил приказ из Берлина уничтожить Гродно, но не успел. В результате бомбардировок и артобстрела пострадали и гродненские храмы. Больше всего – иезуитский (Фарный) – бомба попала в главный купол. В гарнизонном

обсыпалась черепичная крыша. На кирхе и занеманской церкви снарядами повредило колокольни. В Покровском – выбило все стекла. Тем не менее, бои за левобережную часть города продолжались еще почти десять дней...

Феликс Зандман вспоминал: «Одним утром мы проснулись и увидели, что немцы исчезли... Мы шли осторожно тропинкой... На полях вокруг никого не было. Там, где тропинка выходила на дорогу, направились в сторону Гродно. На дороге, на небольшом расстоянии от нас, мы увидели одинокую фигуру – советского солдата. С усилием, еле волоча ноги, двинулись в его сторону так быстро, как только могли. Когда он нас услышал, то обернулся. С удивлением смотрел на нас, как мы протягиваем к нему руки, чтобы прикоснуться к нему, как целуем его руки и куртку...»

Органы советской власти начали работать в городе уже 17 июля 1944 года. Согласно докладу первого секретаря гродненского горкома партии Н. Вовнянки, в Гродно сохранилось почти две трети всех зданий. Правда, население сократилось больше чем в два раза: с 53 до 23 тысяч человек (около 5 тысяч гродненцев было вывезено в Германию). Из них около 16 тысяч – это были поляки. Значительная часть из них, однако, должна была выехать из города. Новая власть формировалась, главным образом, из партийных и военных кадров. Было принято около трехсот человек, но из них только тридцать были ко-

ренными гродненцами. Даже пять лет спустя местные коммунисты составляли всего десятую часть областной парторганизации. «Западники», как стали называть коренных гродненцев, еще долго оставались ненадежными и подозрительными элементами...

Все гродненские священники и дьяконы остались на месте. Вот только Коложа в списке действующих церквей уже не значилась.

Красные дни календаря
1948–1990

После завершения раскопок в 1949 году Коложа была передана на баланс Гродненского историко-археологического музея. Фактически же о храме, в который уже раз, забывают.

В 1952 году Гродненскую епархию упразднили, а Архиерейское подворье было конфисковано советской властью.

Последним «советским» архиепископом (с 17 марта 1950 г. по 1 февраля 1951 г.) Гродненской епархии стал Сергий (Ларин), который, правда, оставил после себя двоякий след. «В памяти старых гродненских верующих, – пишет в своей книге «Православный Гродно» Наталья Дорош, – облик епископа Сергия сохранился довольно ясно: любил дорогие облачения, придавал своему внешнему виду большое значение и тщательно подбирал обувь в тон к каждому облачению. Он почти

никогда не расставался со своим огромным догом, которого возил в своей машине. Иногда высокопреосвященнейший Сергий читал в соборе Евангелие по-французски..., гостей принимал на широкую ногу. Чтобы слышать профессиональное пение (владыка его страстно любил), он выбрал себе протодиакона из певцов столичной оперетты... Пробыл архиепископ Сергий на Гродненской кафедре очень короткий срок, поэтому верующие только это о нём и запомнили».

«Я убедительно прошу Вас, – раздавался вопль отчаяния уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гродненской области И. Макаренко, обращенный в вышестоящие инстанции, – помогите мне избавиться от этого проходимца, так как он мне не только мешает работать, но и издевается!» Однако дело, видимо, было не столько во внешнем виде епископа, сколько вообще в его присутствии в городе и достаточно независимом поведении.

С новой властью город сживался непросто. Не последнюю роль сыграл и пресловутый «квартирный вопрос»: советские чиновники, которые прибыли в Гродно первыми, успели занять тут лучшие дома и квартиры. Случалось, высокопоставленные «квартиранты» и вовсе выселяли прежних хозяев. В итоге первый секретарь обкома партии Калинин и вовсе был обвинен в присвоении тридцати тысяч рублей из социального фонда... Сменивший его на этом посту Сергей Осипович Притыцкий выступил с критикой сложившейся си-

туации на пленуме Гродненского областного комитета партии. Правда, этого оказалось достаточно, чтобы министр госбезопасности БССР Лаврентий Цанава направил в Гродно специальную комиссию ЦК. «На Притыцкого полились потоки обвинений в слабости руководства политической и хозяйственной работой, – пишет историк Э. Иоффе. – ...Стоило двум-трем женщинам в какой-либо деревне сказать, что они хотят убрать хлеб вручную, а не комбайном, как Цанава расценивал это как антисоветские и антигосударственные выступления. «Вот что творится у Притыцкого», – заявлял он».

Появляется даже докладная записка о «подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше», согласно которой, он, в свое время приговоренный польским судом к смертной казни, оказывается, был агентом.. польской дефензивы! Одновременно МГБ собирает и другой компромат, уже на его родственников. Желая предвосхитить удар, первый секретарь срочно выезжает в Минск, где он доложил о ситуации лично руководству ЦК КПБ. В результате партийные власти решили забрать С. Притыцкого из Гродно.

Следующие партийные начальники управляли областью уже из Нового замка, бывшего королевского дворца (по иронии судьбы, в подземельях Нового замка были найдены около двух десятков портретов из королевской коллекции времен Станислава Августа

Понятовского, но все они были вскоре, за ненадобностью, переданы Польше).

На смену С. Притыцкому из Гомельского обкома прибывает бывший выпускник высшей коммунистической сельскохозяйственной школы Николай Авхимович, а через несколько лет он уже возглавил Совмин Республики. Фёдор Баранов, приехав в Гродно из Бобруйского обкома, попал сразу в ЦК КПБ. Григорий Пономарёв, долгие годы остававшийся вторым секретарем обкома партии, в 1958 году пересаживается в кресло первого секретаря, откуда, опять же, идет на повышение в Минск.

Весной 1963 года главой Гродненского обкома назначается Владимир Мицкевич, бывший до этого председателем Минского исполкома. Гродно начинает обрастать одним за другим промышленными предприятиями. При этом партийному руководству по-прежнему не хватало понимания, каким должен быть советский Гродно. Рядом с новыми «дворцами» – профсоюзов, текстильщиков, кинотеатром «Пушкин», которые символизировали победу нового строя, – появляются спальные кварталы, готовые дать приют всем, кто спешил перебраться в город из деревни в поисках более зажиточной и свободной жизни (правда, среди самих гродненцев до сих пор живет легенда о том, что дворец культуры текстильщиков был построен «задом наперед», т.е. фасадом во двор). В это время в занеманской части города, как

раз напротив Коложи, вырастает еще один новый микрорайон...

Одни грандиозные проекты, не успев воплотиться, сменялись другими. Гродно с его замками, дворцами, храмами плохо вписывался в новую действительность. В конце ноября 1961 года была взорвана Фара Витовта – возможно, сказался, её слишком «готический» профиль. А спустя всего год горисполком принимает решение разбить рядом с Коложей центральный парк отдыха и культуры имени 40-летия БССР. Еще через год парк получает имя «Космос», и рядом с храмом начинается строительство... колеса обозрения – «чертова» колеса, как его ещё называли!

Генеральный план 1963 года предлагал фактически полное уничтожение исторического центра Гродно. «Улица Карла Маркса, – пишет историк Виктор Саяпин, – должна была стать бульваром с раздельными полосами движения и сносом всей застройки... в том числе и комплекса костела. Улица Замковая после сноса всех домов на ней... также превращалась в бульвар, начинавшийся за... дворцом текстильщиков и переходивший в новый парк. Советская улица после сноса всех построек... превращалась в бульвар... с двумя разделительными полосами движения». Возле храма, пускай и не действующего, могли появиться кафе, ресторан и... пивной бар!

Спустя всего десять лет очередной генплан предусматривал уже строительство рядом с Коложей в районе парка, теперь – имени 40-

летия ВЛКСМ, – нового административного центра, который бы включал облисполком, горком, райком и театр. Благое начинание должно было разом решить все проблемы, начиная от транспортных и заканчивая сохранением исторического центра. Вместо этого рядом с Коложей вырастает тридцатиметровая стела в честь 850-летия Гродно, которую украшают фигуры средневекового русского воина и женщины. Правда, и здесь от первоначального пректа остались лишь два пилона с гербом города и аллея, вместо фонтана к которой примыкал... детский автогородок.

Советские путеводители по этому поводу с гордостью сообщали: «Если ещё недавно подъезжающему к городу сначала бросались в глаза купола церквей и костелов, властвовавших над городской панорамой, то теперь на передний план выходят творения рук нынешнего поколения. Телевизионная вышка, высотные жилые дома и административные здания, заводские корпуса придают Гродно облик современного промышленного и культурного центра».

Между тем гродненцы продолжали жить своей обычной жизнью, любили посидеть в пивных и кафе, посылали своим родственникам куда-нибудь в Новосибирск купленные на Грандичском рынке изделия иностранного легпрома. После того, как на краю города рядом с бывшими карьерами кирпичного завода поднялась телевышка, целое поколение

выросло на польских «Доброноцках» и ночных показах голливудских фильмов.

Гродно превратился не только в витрину Советского Союза. Он все время оставался частью военного ударного кулака страны: танкисты, пехота, артиллерия, связь, пограничники – город был наполнен армией до краев. Гродно, правда, долго держал в памяти и трагедии, которые случались по вине армии, как, например, гибель студентов сельхозинститута под гусеницами танка. Кроме военных, в форме ходили милиция, сотрудники КГБ, пожарные, работники юстиции и железной дороги и даже учащиеся ФЗУ. Но вдруг где-то среди этого океана могла мелькнуть тень стиляги, битла или хиппи...

Во второй половине 1960-х, как пишет А. Карпюк, в Гродно «взорвалась навала наград». Новый секретарь горкома Семенов, проработав в городе всего год, получил орден Трудового Красного знамени, секретарь обкома партии А. Ульянович этот же орден получил за «организацию искусственного оплодотворения скота», а В. Мицкевич, «человек двухметрового роста, с квадратными скулами», как его описал Василь Быков, служивший в охране в тылу, – орден Отечественной войны первой степени за участие в подпольном движении на Гродненщине.

Тем временем на собрании областного партактива Мицкевич «громил» московских «абстракционистов», а заодно и гродненского писателя-фронтовика Карпюка. Вто-

рого секретаря Гродненского обкома партии Фомичева за глаза в городе и вовсе потихоньку именовали... Пилатовичем. В 1968 году В. Мицкевич становится секретарем ЦК КПБ, а ему на смену приходит Иван Микулович, как и его предшественник, начинавший когда-то карьеру с... зоотехникума.

В конце семидесятых ситуация поменялась. «В области стало больше порядка, – вспоминал позже тот же А. Карпюк. – Один за одним обормоты полетели с постов. В конце концов, некоторые из них так себя скомпрометировали, что контрольным органам это облегчило работу». В результате под влиянием Петра Машерова руководство обкома заменили.

Первым секретарём стал Леонид Клецков. Так А. Карпюк вспоминал о нем: «Человек уравновешенный, мудрый, богатый душой и справедливый...» Л. Клецков был для советского Гродно фигурой знаковой. Хотя, как пишет в своей «Провинциальной саге» Александр Федута, в самом областном центре его не любили. «Гродненская интеллигенция не могла простить ему чего-то, чего сама в принципе даже сформулировать была не в состоянии. Ему ставили в вину даже супругу, Марию Прокофьевну, весьма энергичную даму, работавшую директором школы № 1; у школы был бассейн, собственная кабельная телевизионная сеть, первые компьютерные классы, спецклассы с углубленным изучением математики. Педагогическая об-

щественность ворчала: легко содержать школу в порядке, имея такого мужа. А Клецкова просто строила свою школу, которая и до сих пор осталась – Первой.

Сам Клецков в душе был аграрием. Разумеется, он понимал, что все гигантские стройки, которые были положены Гродно как областному центру, должны сдаваться в срок; он видел необходимость крупных заводов – и в качестве фактического «хозяина» области он делал все положенное по должности: следил за ходом строительства, подбирал кадры, лоббировал интересы уже построенных предприятий в союзном «центре». Но развитие Гродненщины ему представлялось скорее, по голландско-бельгийскому типу – с развитым животноводческим комплексом, с высококонкурентной сельскохозяйственной продукцией. Это было ближе и естественней его менталитету – менталитету спокойного, умного хозяина, не привыкшего к экспериментам и потрясениям. И агропромышленный комплекс Гродненской области, до сих пор крепкий, этой крепостью своей обязан Клецкову как никому другому. А еще он любил и умел работать с кадрами. Он подбирал таких же, как он сам, – немногословных, уравновешенных. Это была часть общей партийной кадровой системы: абсолютному дураку выдвинуться не давали, но и умников особо не жаловали, заставляя поочередно проходить через все ступени номенклатурной лестницы...»

Накануне олимпиады в Москве Коложа, которая только что стала филиалом музея... атеизма, едва ли не впервые за свою историю, лишилась креста. «Жаль того креста с Коложи... – сокрушалась Лариса Гениюш. – Он же был там около восьмиста лет! И руки не отвалятся людям, которые так уродуют наше прошлое? ...Коложа без крестов – это не целое, не памятник старины...» (дальше в своем письме поэтесса замечала: «Только дурень может ломать кресты, когда за плечами миллиард китайцев, да и не только китайцев...»).

В последние десятилетия советского периода Гродно пережил нашествие молодежных группировок, которые поделили город на районы: Центр, Маслобаза, Шанхай, Пентагон. Коложа оказалась на краю Переселки – квартала частной застройки со «скверной» репутацией, отчего место это вдруг стало небезопастным.

Это же время запомнилось громкими юбилеями: столетие Ленина, семьдесят лет Октябрьской революции – сплошные «красные дни календаря». Но именно подготовка к празднованию последнего принесла неожиданную находку. В самом в центре площади Ленина откопали стелу вроде той, что стоит в парке возле вечного огня. Сперва все решили, что наткнулись на памятник героям 1812 года или хотя бы – Северной войны. Кто-то даже предложил «вернуть историческую справедливость» и восстановить обелиск. Власти засомневались – вдруг и

вправду стоит вернуть памятник на место. Всё-таки на дворе было время «перестройки». Несколько дней бетонная глыба одиноко лежала на краю траншеи в ожидании своей участи. И кто знает, как бы долго это продолжалось, если бы вдруг не явился во властные кабинеты местный краевед с фотографиями того самого обелиска. Подпись на фото не оставляла сомнений – стела, найденная в центре Городницы, была поставлена в середине 1920-х годов и представляла собой памятник... жертвам большевизма! Никакая «перестройка» не смогла бы заставить вернуть памятник «жертвам большевизма» на прежнее местно. И тогда от него решили избавиться – быстро и без лишнего шума. Стелу погрузили на самосвал, вывезли за город и там утопили, сбросив в один из карьеров. А любопытные жители Гродно ещё долго гадали, вернут или нет на место «обелиск в честь Дениса Давыдова».

Эпоха Советского Союза клонилась к концу. «Клецков был частью системы, – заканчивает свой рассказ А. Федута, – а не бунтарем. Он никогда не пошел бы против воли ЦК КПСС. И когда его час пробил, он не стал сопротивляться. Он получил напоследок мандат народного депутата СССР, выиграв выборы в каком-то захолустном округе, и приготовился сдавать дела...» Но сдавать, как оказалась, по сути было некому.

Вскоре в судьбах города и храма открывается очередная глава. Гродно поспешил стать

частью новой страны, Коложу вернули православным. Тогда же сработали и «маячки», которые отслеживали устойчивость холма под храмом. Означало ли это, что склон продолжал разрушаться? Какие еще испытания ждали Коложу и город под её крылом?

Вместо заключения

Осенью 1856 года историк, автор «Истории литовского народа» Теодор Нарбут писал издателю и члену Виленской археологической комиссии Адаму Киркору: «Похвалюсь своим приобретением православного креста из развалин Коложской церкви в Гродно. Особа, сделавшая это открытие, ни за что не хотела его показать, не то что отдать. Но на мою просьбу с охотой и без выгоды переслала его мне в коллекцию.

Сам крест очень хорошо сохранился. Он из бронзы, значительных размеров и отмечен датой 1392 год, то есть тем самым годом, когда Витовт закончил свой спор с Ягайло. Кроме того, на кресте множество надписей, которые я не в состоянии расшифровать... Встречаются тут и разные фигуры. Например, Святой Троицы, ангелов и т.д. Одним словом, ценная редкость.

Когда четыре дня назад я его получил, то на радостях не смог заснуть целую ночь».

Нам ничего не известно о дальнейшей судьбе этой уникальной находки. Собственно, как и о самом кресте. Нашли ли его после первого обвала Коложи? Был ли он частью древних захоронений? Кому принадлежал? Ещё одна тайна, коих и так насобиралось уже немало в тени старого храма.

Вопросы можно множить без конца. В этом и заключается смысл истории – задавать вопросы. Безразличие её убивает, превращая в набитое трухой чучело. Оно станет пугать вас из пыльных углов хищным оскалом, лишая своим остекленевшим взглядом всякой надежды. Но даже дьяк Евстафий, переписчик Пречистенской церкви, заканчивая работу над книгой, не смог удержатся от вздоха облегчения: «Яко заяц рад сети избег, так рад писец последнюю страницу дописав».

О прошлом стоит говорить по-разному: неспешно и на бегу; с серьезным лицом и еле сдерживая смех; пафосно и скабрезно. Какие безмерные возможности открываются перед рассказчиком, какое богатство чувств и эмоций! Одну и ту же историю стоит пересказывать на разные голоса, чтобы не заглушать друг друга. Поход в супермаркет за покупками взрослый и ребенок и то опишут по-разному. Что уж тогда говорить про участников крестового похода?!

В этот раз захотелось написать именно «карманную», а не какую-нибудь другую историю. Чтобы её можно было на время снять с пол-

ки и взять с собой. Может показаться, что мы забыли про неё, как вдруг ты нащупываешь прямо под рукой эти бумажные страницы, полные самых разных смыслов. Прошлое, которое станет неразлучно следовать вместе с вами в день сегодняшний. Почти как у В. Короткевича: «Коложа встала перед ним в лунном сиянии, такая простая, такая совершенная, что перехватило дух. Блестящий купол, серебряно-синие стёклышки в окнах барабана, полосатые, аквамарин в чернь, стены. Всё густое, даже в тенях чёрное в зелень, как перо селезня. Оранжевым, зеленоватым, радужным сияют на стенах плиты и кресты из майолики. Большего совершенства ему не приходилось видеть».

ОГЛАВЛЕНИЕ